

18+

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК

УНИЧТОЖИТЬ

РОМАН

CoRpus

Скорее читайте "Уничтожить", самый тонкий, грустный и волнующий роман Уэльбека.

CHARLIE HEBDO

Мишель Уэльбек

Уничтожить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69346783

Уничтожить: АСТ: CORPUS; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-148330-2

Аннотация

Мишель Уэльбек – один из самых читаемых в мире французских писателей, автор знаменитых бестселлеров “Элементарные частицы”, “Платформа”, “Покорность”, “Серотонин”, лауреат Гонкуровской премии и кавалер ордена Почетного легиона.

В его новом романе “Уничтожить” действие происходит в 2027 году. Человечеству угрожает неуловимая террористическая организация, все спецслужбы поставлены на ноги. Тем временем во Франции полным ходом идет подготовка к президентским выборам. Главный герой книги Поль Резон оказывается в центре предвыборных интриг. Поглощенный работой в аппарате министра экономики, он давно привык к холодным отношениям с женой и к своему одиночеству. Внезапно размеренный ход его существования нарушается: он получает известие о том, что отца разбил инсульт. Поль едет к отцу в дом своего детства и окунается в проблемы семьи. Жизнь его резко меняется... Многослойный сюжет романа разворачивается в двух плоскостях:

это одновременно политический триллер и семейная сага в мире на грани хаоса.

Используется нецензурная брань.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Один	7
1	7
2	17
3	25
4	33
5	55
6	66
7	75
8	87
9	95
10	100
11	110
12	118
Два	123
1	123
2	128
3	133
4	153
5	159
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Мишель Уэльбек

Уничтожить

Michel Houellebecq

Anéantir

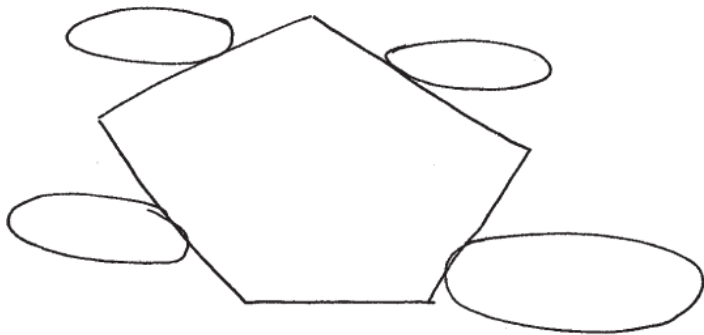
© Michel Houellebecq & Editions Flammarion, Paris, 2022

© М. Зонина, перевод на русский язык, 2023

© ООО “Издательство АСТ”, 2023

Издательство CORPUS®

***

[Okrum us, Candu g
Candor gu a e' penei am i vanden
Ne othqah) nnd um
Z q = C yz poe n

Один

1

Бывает, по понедельникам, в самом конце ноября или в начале декабря, чувствуешь себя как в камере смертников, особенно если живешь один. Летний отпуск давно забыт, до нового года еще далеко; небытие оказывается в непривычной близости.

В понедельник 23 ноября Бастьен Дутремон решил поехать на работу на метро. Выйдя на станции “Порт де Клиши”, он очутился прямо перед надписью, о которой ему уже говорили на днях коллеги. В начале одиннадцатого утра на платформе было пусто.

Граффити в парижском метро заинтересовали его еще в юности. Он часто фотографировал их своим допотопным айфоном – сейчас, похоже, вышел уже 23-й, он остановился на одиннадцатом. Он рассортировывал снимки по станциям и линиям, создав для этой цели множество папок на компьютере. Это могло бы, если угодно, сойти за хобби, но он предпочитал по идее более необязательное, но, в сущности, куда более жесткое определение – *времяпрепровождение*. Одной из его любимых была, кстати, надпись аккуратными наклонными буквами, обнаруженная им посередине длинного бе-

лого коридора на станции “Площадь Италии”, которая напористо возвещала: “Время не проведешь!”

Плакаты “Поэтов метрополитена”, тычущие в нос всякой вялой херней, наводнили в свое время все до единой парижские станции, просачиваясь иногда даже в вагоны, что вызывало у пассажиров многократные приступы безудержной ярости. Так, на станции “Виктор Гюго” он прочел следующее:

*Претендую на почетный титул короля Израиля.
Иначе поступить не могу.*

На станции “Вольтер” ему попало совсем уж вызывающее и нервное заявление:

*Вот мой окончательный ответ всем телепатиям,
всем Стефанам, которые решили отравить мне жизнь:
НЕТ!*

Надпись на “Порт де Клиши”, честно говоря, к граффити не имела отношения: огромные жирные буквы в два метра высотой, выведенные черной краской, тянулись по всей длине платформы в направлении “Габриэль Пери – Аньер-Женвилье”. Да и с противоположной стороны этот текст не получалось охватить взглядом полностью от начала до конца, но он все же ухитрился прочесть его целиком:

Выживают монополии / В сердце мегаполиса.

В этом не было ни чего-то особо тревожного, ни даже ясно выраженного; тем не менее именно такого рода высказыва-

ния могли привлечь внимание ГУВБ¹, как и все прочие таинственные, неясные послания, несущие в себе скрытую угрозу, – в последние годы они заполонили общественное пространство, притом что их не удавалось приписать какой-либо известной политической группировке; наиболее показательным и зловещим их примером считались как раз интернет-сообщения, расшифровкой которых он занимался в данный момент.

На его рабочем столе лежал отчет из лаборатории общей лексикологии, его доставили в первой утренней разноске. Лабораторная экспертиза отобранных сообщений позволила выделить пятьдесят три знака, причем это были алфавитные символы, а не идеограммы; наличие пробелов между ними позволило объединить их в слова. Затем они приступили к установке биекции с одним из известных алфавитов, для начала с французским. Судя по всему, они попали в точку с первой попытки: добавив к двадцати шести основным буквам лигатуры, буквы с сидилью и диакритическими знаками, они получили в сумме сорок два знака. Плюс одиннадцать традиционных знаков препинания, что в общей сложности дает пятьдесят три символа. Теперь им осталось решить классическую задачу на дешифровку текста, то есть установить взаимно-однозначное соответствие между сим-

---

¹ ГУВБ (DGSI) – Главное управление внутренней безопасности. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

волами сообщений и буквами французского алфавита в его полном варианте.

К сожалению, после двух недель работы они зашли в полный тупик: при помощи известных систем кодирования никакого соответствия вывести не удалось; за все время существования лаборатории такое произошло впервые. Выкладывать в сеть сообщения, которые никто не сможет прочесть, — нелепая затея, само собой, так что адресаты наверняка существуют — вот только кто они?

Он встал, сделал себе эспрессо и с чашкой в руке подошел к большому панорамному окну. От стеклянного фасада Суда высокой инстанции отражался ослепительный свет. Он никогда не усматривал никаких особых эстетических достоинств в этом затейливом нагромождении гигантских параллелепипедов из стекла и стали, воцарившихся над грязным, унылым пейзажем. В любом случае авторы концепции не гнались за красотой и вовсе не стремились порадовать взор, скорее похвастаться определенным технологическим ноу-хау — как будто им главное было пустить пыль в глаза потенциальным инопланетянам. Бастьену не довелось работать в историческом здании на набережной Орфевр, 36, так что в отличие от старших коллег он не испытывал никакой ностальгии; но даже он не мог не признать, что квартал Новый Клиши с каждым днем все безнадежнее скатывается в самый что ни на есть урбанистический кошмар; торговый ком-

плекс, кафе и рестораны, предусмотренные первоначальным планом развития, так и остались на бумаге, поэтому на новом месте стало практически невозможно перевести дух в течение дня за пределами офиса; зато с парковкой никаких трудностей не возникало.

Внизу, метрах в пятидесяти, на стоянку для посетителей въехал “астон-мартин-DB11”; вот, значит, и Фред. Пристрастие гика Фреда, которому по логике вещей полагалось приобрести “теслу”, к замшелому очарованию двигателей внутреннего сгорания выглядело странной причудой – бывало, он на долгие минуты мечтательно замирал под баюкающее урчание мотора V12. Наконец он вышел, хлопнув дверцей. С учетом процедур безопасности на входе Фред появится у него минут через десять. Он надеялся, что у Фреда есть новости; честно говоря, только на него он, в принципе, и надеялся, рассчитывая сообщить на очередном заседании хоть о каких-то результатах.

Когда, семь лет назад, их взяли на договор в ГУВБ – с более чем пристойной зарплатой для молодых людей без диплома и какого бы то ни было профессионального опыта, – собеседование свелось к демонстрации их умения взламывать различные интернет-сайты. В присутствии полутора десятков агентов БРМСИТ² и других технических служб Министерства внутренних дел, собранных по такому случаю,

---

² БРМСИТ (BEFTI) – Бригада по расследованию мошенничества в сфере информационных технологий.

они объяснили, как, войдя в НРИФЛ³, можно одним кликом дезактивировать и реактивировать карту “Виталь”⁴, каким образом они проникают на официальный налоговый сайт и запросто изменяют сумму задекларированных доходов. Кроме того, они показали – это более сложная процедура, поскольку коды регулярно обновляются, – как они ухитряются, зайдя на сайт НАКГО, Национального автоматизированного каталога генетических отпечатков, поменять, а то и вообще уничтожить профиль ДНК, даже если человека уже осудили. Они предпочли умолчать о том, как взломали сайт атомной электростанции в Шо, но и только. На сорок восемь часов они получили полный контроль над системой, и им ничего бы не стоило запустить процедуру аварийной остановки реактора, тем самым лишив электричества несколько французских департаментов. Однако им не удалось бы спровоцировать масштабную ядерную аварию – они не смогли взломать 4096-битный ключ шифрования, необходимый для проникновения в систему управления активной зоной реактора. Фред обзавелся новой хакерской программой, и ему не терпелось ее испытать; но по обоюдному согласию они решили в тот день, что, возможно, перегнули палку; они вышли, избавившись от всех следов своего присутствия в системе, и больше никогда не заговаривали об этом – ни с по-

---

³ НРИФЛ (RNIPP) – Национальный реестр идентификации физических лиц.

⁴ “Виталь” – карта медицинского страхования системы здравоохранения Франции.

сторонними, ни между собой. В ту ночь Бастьену приснился страшный сон, за ним гнались чудовищные химеры, скомпонованные из разлагающихся младенцев; в финале этого кошмара ему явилось “сердце” реактора. Они выждали несколько дней, прежде чем снова увидеться, даже не созвонились ни разу и, вероятно, именно в тот момент впервые задумались о том, чтобы поступить на госслужбу. Героями их юности были Джулиан Ассанж и Эдвард Сноуден, так что решение пойти на сотрудничество с властями далось им нелегко, но в середине 2010-х годов во Франции создавалась совершенно особая ситуация: после ряда смертоносных исламистских терактов население стало поддерживать полицию и армию, более того, питать к ним добрые чувства.

Однако Фред, проработав всего год, решил не продлевать контракт с ГУВБ; он уволился и создал компанию *Distorted Visions*, специализирующуюся на визуальных эффектах и компьютерной графике. В сущности, Фред, в отличие от него, никогда не был хакером в полном смысле слова; Фреда никогда не охватывало ликование, сродни тому, что переполняло его самого, когда он мастерским слаломом обходил файрволы и защиту сети, он не упивался своим всемогуществом при запуске атаки методом “грубой силы”, когда он управлял тысячами компьютеров одновременно, взломав их и заставив расшифровывать очередной особо коварный ключ. Фред, как и его учитель Джулиан Ассанж, – в первую очередь прирожденный программист, он способен

за несколько дней освоить самые сложные языки, постоянно возникающие на рынке, и использует он свои способности для написания алгоритмов генерации форм и текстур новейшего поколения. Нам то и дело приходится слышать о французских достижениях в области аэронавтики и космоса, и гораздо реже – о визуальных эффектах. Среди клиентов его компании часто попадались создатели самых знаменитых голливудских блокбастеров; за пять лет своего существования она вышла на третье место в мире.

Когда Фред, войдя в его кабинет, развалился на диване, Дутремон сразу понял, что его ждут плохие новости.

– Увы, Бастьен, ничем не могу тебя порадовать. – Фред не замедлил подтвердить его догадку. – Ладно, давай начнем с первого сообщения. Я знаю, вас не оно интересует, но тем не менее это весьма любопытное видео.

Первое всплывающее окно в ГУВБ прошляпили; оно эксплуатировало в основном поисковики авиабилетов и сайты онлайн-бронирования отелей. Как и следующие два, оно состояло из нагромождения пятиугольников, кругов и строк текста на не поддающемся расшифровке языке. Кликая на любую точку внутри окна, пользователь запускал видео. Съемки велись с какой-то возвышенности либо с парящего аэростата; план длился минут десять. До самого горизонта простиралось необъятное поле с высокой травой, на небе не было ни облачка, такие пейзажи характерны для некото-

рых штатов американского Запада. Порывы ветра прочерчивали на травянистой поверхности гигантские прямые линии; они пересекались, складываясь в треугольники и многоугольники. Когда все стихало, поверхность, насколько хватало глаз, снова становилась абсолютно гладкой; потом опять поднимался ветер, и многоугольники наползали друг на друга, медленно разграфляя равнину от края до края. Это было очень красиво и не вызвало никакой тревоги; шум ветра не записали, и геометрия пространства разворачивалась в полной тишине.

– В последнее время мы часто создаем сцены шторма для военных фильмов, – начал Фред. – А травянистая поверхность такого объема генерится более или менее как водная схожего размера – то есть это не океан, скорее большое озеро. Одно могу сказать тебе наверняка – такие геометрические фигуры, как на этом видео, просто не могут образоваться. А то пришлось бы допустить, что ветер дует одновременно с трех сторон, если не с четырех. Поэтому я совершенно не сомневаюсь, что это компьютерная графика. Сбивает меня с толку другое: сколько их ни увеличивай, 3D-травинки все равно выглядят как настоящие, а это, по идее, неосуществимо. В природе не бывает двух одинаковых травинок; во всех травинках присутствуют неровности, небольшие дефекты, уникальная генетическая подпись. Мы увеличили тысячу травинок, выбрав их в кадре случайным образом: они все разные. Я готов поспорить, что каждая из миллиона трави-

нок на этом видео отличается от другой; охренеть, это сумасшедшая работа; возможно, мы в *Distorted* могли бы это сделать, но на рендеринг такой продолжительности ушло бы несколько месяцев.

На втором видеоролике Брюно Жюж, министр экономики и финансов, с начала пятилетнего срока нынешнего президента занимавший еще и должность министра бюджета, стоял со связанными за спиной руками в саду средних размеров, разбитого, судя по всему, позади загородного дома. Окружающий холмистый пейзаж наводил на мысль о Нормандской Швейцарии, и весной там бы все утопало в зелени, но деревья стояли голые, так что, по всей вероятности, это была поздняя осень или ранняя зима. На министре были темные костюмные брюки и не по сезону легкая белая рубашка с короткими рукавами, без галстука, так что он весь покрылся гусиной кожей.

На следующем плане он предстал в длинной черной хламиде, увенчанной капиротом, тоже черным, придававшим ему облик кающегося грешника на Страстной неделе в Севилье; во времена инквизиции этот головной убор надевали и приговоренные к смерти в знак публичного унижения. Два человека в таком же наряде – с той лишь разницей, что в их капиротах виднелись прорезы на уровне глаз, – схватили его под руки и потащили за собой.

В глубине сада они сорвали с министра колпак, и он несколько раз моргнул, привыкая к свету. Они стояли у подножия небольшого, заросшего травой пригорка, на вершине

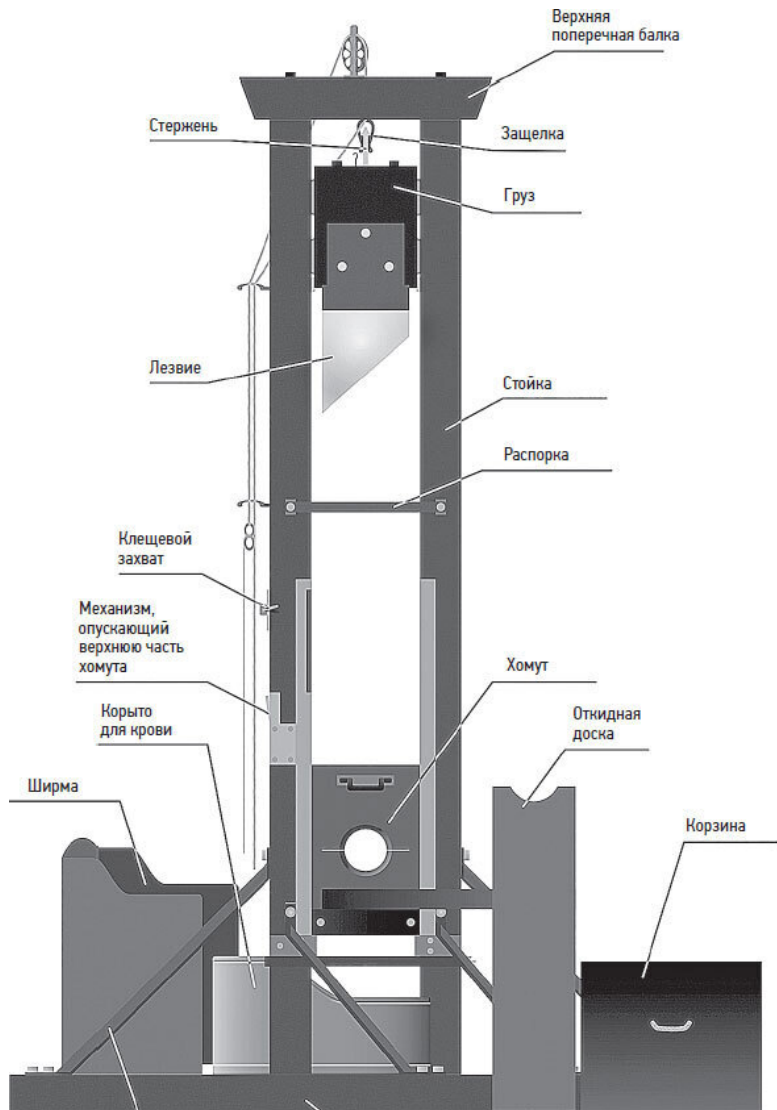
которого возвышалась гильотина. При виде этого сооружения на лице Брюно Жюжа не отразилось ни малейшего страха, разве что мимолетное недоумение.

Один из них, силой заставив министра встать на колени, положил его голову в выемку нижней половины хомута и привел в действие механизм блокировки, второй же в это время устанавливал тесак в тяжелый чугунный груз, предназначенный для стабилизации падения лезвия. При помощи веревки, пропущенной через шкив, они подтянули лезвие с грузом к верхней поперечной балке. Создавалось впечатление, что Брюно Жюжа постепенно охватывает бездонная печаль, но скорее печаль общего порядка.

Через пару секунд, в течение которых министр успел закрыть глаза и тут же открыть их, один из мужчин открыл клещевой захват. Нож обрушился за две-три секунды, одним махом отрубив голову, в корыто хлынула струя крови, а голова покатилась вниз по травянистому склону и замерла наконец прямо напротив камеры, на расстоянии нескольких сантиметров от объектива. В широко открытых глазах министра застыло неподдельное изумление.

Всплывающие окна с этим видео заполнили государственные информационные сайты, такие как www.impots.gouv.fr и www.servicpublic.fr. Брюно Жюж сначала поговорил со своим коллегой из МВД, а тот уже обратился в ГУВБ. После чего они проинформировали премьер-министра, и так дело дошло до президента. Без офици-

ального заявления прессе решили обойтись. До сих пор все попытки избавиться от этого видео не увенчались успехом – через несколько часов, а то и минут окно появлялось вновь с другого *IP*-адреса.

– Слушай, – продолжал Фред, – мы смотрели это кино часами, увеличивая до максимума, особенно план с обезглавленным телом в тот момент, когда из сонной артерии брызнула кровь. По идее, при значительном увеличении должны возникать геометрические закономерности, искусственные микрофигуры – как правило, можно даже угадать алгоритм, которым воспользовался чувак. Только не в нашем случае – увеличивай сколько душе угодно, все по-прежнему хаотично и неровно, как будто это реальный материал. Меня это так заинтриговало, что я поговорил с Бустаманте, боссом *Digital Commando*.

– Они ведь ваши конкуренты.

– Да, конкуренты, если угодно, но мы в хороших отношениях, нам и раньше приходилось работать вместе над фильмами. У нас не совсем одинаковые ниши: мы лучше справляемся с воображаемой архитектурой, генерим виртуальные толпы и так далее. Но когда возникает необходимость в зверских спецэффектах, органических монстрах, увечьях и отрубании голов, они круче. Вот только Бустаманте был потрясен не меньше меня: он совершенно не мог понять, как вообще это можно сделать. Если бы нам пришлось давать показания под присягой и, конечно, если бы казнили не министра, а простого смертного, не исключено, что мы бы поклялись, что его обезглавили на самом деле...

Воцарилась мертвая тишина. Бастьен посмотрел в окно, снова окинув взглядом огромные параллелепипеды из стекла и стали. Строение, безусловно, впечатляющее, что и говорить, даже пугающее в ясный день; но ведь Суду высокой инстанции положено внушать ужас населению.

– Ну а третий ролик, ты сам его видел, – снова заговорил Фред, – это длинный план, снятый с рук в железнодорожных туннелях. Довольно гнетущий, желтый какой-то. Саундтрек – классический индастриал. Это, само собой, компьютерная графика, поскольку не существует ни путей десятиметровой ширины, ни моторных вагонов пятидесяти метров в высоту. Этот ролик здорово сделан, очень здорово, мы имеем дело с высококлассной компьютерной графикой, но, как сказать, он не так ошеломляет, как предыдущие, его и мы в *Distorted* изготовили бы недели за две, я думаю.

Бастьен взглянул на него:

– Что касается третьего сообщения, то меня тревожит не содержание, а масштаб распространения. На этот раз они атаковали не государственный сайт, а нацелились на *Google* и *Facebook*, а эти ребята отлично умеют защищаться. И что поразительно, так это напор и внезапность атаки. Я предполагаю, что их ботнет контролирует по меньшей мере сто миллионов компьютеров-зомби.

Фред аж подскочил; это казалось ему невозможным и не имело ничего общего с порядком величин, к которым они привыкли.

– Я знаю, – продолжал Бастьен, – но все изменилось, и в некотором смысле хакерам стало легче жить. Люди по привычке покупают компьютеры, но выходят в сеть в основном со смартфонов, а компьютер не выключают. В настоящий момент в мире сотни миллионов, может быть, миллиарды компов находятся в спящем состоянии, словно ждут не дождутся, чтобы в них запустили бот-программу.

– Увы, ничем не могу тебе помочь.

– Ты уже мне помог. У меня на семь вечера назначена встреча с Полем Резоном из Министерства экономики. Он работает в офисе министра, и я с ним общаюсь по этому делу; теперь я знаю, что ему сказать. Первое: мы имеем дело с кибератакой неизвестных лиц. Второе: они умеют создавать визуальные эффекты, которые лучшие специалисты в этой области считают невыполнимыми. Третье: они в состоянии задействовать неслыханные вычислительные мощности, превосходящие все, что мы видели ранее. Четвертое: их мотивы нам неизвестны.

Они снова помолчали.

– Что он из себя представляет, этот Резон? – спросил наконец Фред.

– Нормальный мужик. Серьезный, даже суровый, в общем, с ним не забалуешь, но говорит резонные вещи. Оказывается, в ГУВБ его хорошо знают, вернее, помнят его отца, Эдуара Резона. Он всю жизнь проработал в конторе, начав еще в бывшей Дирекции общей разведки, почти сорок

лет назад. Его уважали; ему доводилось вести очень крупные дела, на самом высоком уровне, напрямую затрагивавшие безопасность государства... Одним словом, его сынок там в каком-то смысле не чужой. Он, конечно, энарх⁵ и инспектор финансов, короче, полный набор, но ему известна специфика нашей работы, и, надо думать, он ничего против нас не имеет.

---

⁵ *Энарх* – выпускник ЭНА (ЕНА), Национальной школы администрации.

Небо низкое, серое, непроницаемое. Кажется, что свет идет не сверху, а от укрывшей землю снежной мантии; но он неумолимо тускнеет, судя по всему, уже сумерки. Промерзшие кристаллики инея, ломкие ветви деревьев. Снежинки кружатся вокруг прохожих, а они идут себе, не видя друг друга, их лица суровеют, покрываются морщинами, в глазах пляшут безумные огоньки. Некоторые возвращаются домой, но, еще не попав к себе, понимают, что их близкие скоро умрут, а может, уже умерли. Поль осознает постепенно, что планета погибает от холода; поначалу это просто предположение, но мало-помалу оно перерастает в уверенность. Правительства больше нет, все то ли разбежались, то ли самоустранились, трудно сказать. Потом Поль оказывается в поезде, он решил ехать через Польшу, но во всех купе поселилась смерть, хотя стены обиты густым мехом. Тогда он понимает, что поездом никто не управляет, он сам мчится на всех парах по пустынной равнине. Температура продолжает падать: -40° , -50° , -60° ...

Поль проснулся от холода, сон закончился; было двадцать семь минут первого. В кабинетах министерства отопление всегда выключали в девять вечера, что и так уже считалось довольно поздним часом, в большинстве учреждений слу-

жащие уходят с работы гораздо раньше. Он, значит, задремал на диване в своем кабинете, вскоре после ухода парня из ГУВБ. Тот явно испугался, в первую очередь за себя, за свою дальнейшую судьбу, как будто Поль собирался пожаловаться его начальству, потребовать его отстранения, ну, или чего-то в этом роде; ни о чем таком он даже не помышлял. Все равно после третьего видео эта история вышла на мировой уровень. На сей раз мишенью стал непосредственно *Google*, крупнейшая в мире компания, работающая рука об руку с АНБ⁶. Не исключено, что они проинформируют ГУВБ о первых результатах, но и то просто из вежливости, и еще в связи с тем, что необъяснимым образом все началось с французского министра; но поскольку следственные ресурсы американцев не идут ни в какое сравнение с возможностями французских коллег, они рано или поздно окончательно приберут дело к рукам. Применять какие-либо санкции к парню из ГУВБ было бы не только несправедливо, но и глупо: прошли времена его отца, когда опасности носили локальный характер, теперь они почти мгновенно становятся глобальными.

Пока что Поль проголодался. Он засобирался домой, а что еще остается, подумал он и вдруг понял, что дома шаром покати, что полка, отведенная ему в холодильнике, безнадежно пуста, да и само понятие “домой” свидетельствовало о его

---

⁶ АНБ – Агентство национальной безопасности США.

безрассудном оптимизме.

Именно раздельное пользование холодильником как нельзя лучше символизировало вырождение их супружеской жизни. Когда Поль, молодой сотрудник Бюджетного управления, познакомился с Прюданс, молодой сотрудницей Казначейского управления, что-то такое, несомненно, вспыхнуло между ними в самые первые минуты; ну хорошо, не в самые первые секунды, выражение *любовь с первого взгляда* в данном случае было бы преувеличением, но это “что-то” заняло всего несколько минут, уж точно меньше пяти, одним словом – чудное мгновение, в некотором смысле. Отец Прюданс был в юности фанатом Джона Леннона, из его текста, призналась она ему пару недель спустя, он, собственно, и почерпнул ее имя. *Dear Prudence*, конечно, далеко не лучшая песня “Битлз”, да и вообще Поль никогда не считал “Белый альбом” вершиной их творчества, впрочем, он так и не смог назвать Прюданс по имени и даже в самые нежные мгновения обращался к ней “дорогая”, иногда – “любимая”.

Она никогда не занималась готовкой, ни разу за всю их совместную жизнь, ей казалось, что это не вполне соответствует ее статусу. Она была энархом, как и Поль, инспектором финансов, как и Поль, и нельзя не согласиться, что инспекторша финансов у плиты выглядит как-то несуразно. Они сразу пришли к полнейшему согласию по поводу налога на добавленную стоимость, но оба настолько не умели приветливо улыбаться и легкомысленно трепаться о том о сем,

одним словом, обольщать, что их идиллия оформилась, вероятно, благодаря как раз добавленной стоимости во время нескончаемых собраний, проводимых за полночь Управлением налогового законодательства, обычно в зале В87. Они мгновенно достигли сексуального взаимопонимания, редко, впрочем, доходя до экстаза, но ведь многие пары так высоко и не метят, поддержание какой-никакой сексуальной активности между постоянными партнерами – уже настоящий успех, хотя скорее исключение, чем правило, и хорошо осведомленные граждане (журналисты ведущих женских журналов, авторы реалистических романов) в большинстве своем подтверждают этот факт, да и то это касается, как правило, таких относительно пожилых людей, как Поль и Прюданс, медленно, но верно приближающихся к полтиннику, что же до молодых их современников, то сама идея полового акта между двумя автономными индивидами, пусть даже он продлится всего пару минут, представляется им теперь лишь старомодной и, прямо скажем, досадной фантазией.

А вот гастрономические разногласия между Прюданс и Полем не заставили себя ждать. Однако в первые годы Прюданс, движимая любовью или каким-то схожим чувством, обеспечивала своему сожителю питание, отвечающее его запросам, хотя последние в ее глазах отличались нестерпимым консерватизмом. Да, пусть она и не готовила, зато сама ходила за покупками, и предметом ее особой гордости являлись выисканные ею для Поля лучшие стейки, лучшие

сыры и лучшие колбасные изделия. Тогда еще на полках общего холодильника мясные деликатесы смешивались в любовной сумятице с органическими фруктами, крупами и бобовыми, составлявшими ее личный рацион.

Веганский заскок, постигший Прюданс еще в 2015 году, в тот самый момент, когда слово “веган” только появилось в словаре “Малый Робер”, положил начало тотальной продовольственной войне между ними, одиннадцать лет спустя они все еще зализывали нанесенные ею раны, так что теперь их любовь вряд ли имела шансы уцелеть.

Первый удар, нанесенный Прюданс, был внезапным, мощным, решительным. По возвращении из Марракеша, куда он ездил с тогдашним министром на конгресс Африканского союза, Поль с удивлением обнаружил, что в холодильник, наряду с привычными овощами и фруктами, вторглось множество на редкость причудливых продуктов питания, тут соседствовали морские водоросли, ростки сои и бесконечные готовые блюда марки “Биозона” с тофу, булгуром, киноа, полбой и японской лапшой.

Все это он не воспринимал как что-то пусть даже отдаленно съедобное и не без некоторой язвительности поделился с ней своими соображениями (“жрешь всякое дерьмо” – вот что конкретно он сказал). Засим последовал краткий, но весьма драматический обмен репликами, в результате которого Полю и была выделена полка под его “жлобскую жрачку”, как выразилась Прюданс – оную жрачку ему теперь вме-

нялось покупать самому, на свои кровные (они сохранили отдельные банковские счета, что является немаловажной деталью).

В течение первых недель Поль пару раз все же рыпнулся, но получил решительный отпор. Любой жалкий ломтик сеннектера или запеченного паштета, сунутый им в гущу Прюдансовых тофу и киноа, через нескольких часов отправлялся ею на его полку, а то и напрямиком в мусорное ведро.

Лет десять спустя все вроде утихло, внешне во всяком случае. Что касается еды, то Поль довольствовался своей полочкой, которую он, постепенно отказавшись от походов за всякими гастрономическими изысками, загружал на скорую руку, составляя сбалансированный в диетологическом смысле набор быстроразогреваемых готовых блюд из надежных сетевых магазинов.

Надо же что-то есть, мудро твердил он себе при виде тажина из птицы от “Монопри Гурмэ”, приобщаясь таким образом к некой форме мрачного эпикурейства. Птица была родом из “стран Евросоюза” – и на том спасибо, рассуждал он, бразильских цыплят не предлагать. Теперь все чаще и чаще его донимали во сне крошечные темнокожие и много-рукие существа, суетливо сновавшие взад-вперед.

С самого начала семейного кризиса они спали в разных комнатах. С непривычки ночевать в одиночестве тяжело, холодно и страшно; но они давно миновали эту болезненную стадию и пришли к своего рода стандартному отчаянию.

Закат их отношений начался вскоре после того, как они купили сообща, взяв каждый со своей стороны кредит на двадцать лет, квартиру на улице Лерё, возле парка Берси – потрясающий дуплекс с двумя спальнями и великолепным “общесемейным пространством”, панорамные окна которого выходили прямо на парк. Это совпадение нельзя назвать случайным, улучшению условий жизни часто сопутствует изношенность смысла жизни, особенно совместной. “Прикольный” райончик, заявила как-то Инди, его дура невестка, нанеся им визит весной 2017 года вместе с его бедным братом. Этот визит, к счастью, стал первым и последним, искушение задушить Инди было слишком велико, и он сильно сомневался, что совладает с собой в следующий раз.

Райончик-то прикольный, конечно, что есть, то есть. Их спальня, в те времена когда у них была еще общая спальня, выходила на Музей ярмарочного искусства на авеню Терруар-де-Франс. Метрах в пятидесяти от него, над улицей Кур-Сент-Эмильон, пересекающей от начала до конца четырехугольную пешеходную площадь, именуемую Деревней Берси, с многочисленными ресторанами региональной кухни и альтернативными быстро, зимой и летом реяло облако разноцветных воздушных шаров. Там можно сколько угодно упасть в детство, было бы желание. Да и в самом парке ощущалось похожее стремление к развлекательной мешанине, почетное место в нем было отведено выращиванию овощей, а

в специальном павильоне, под эгидой парижской мэрии для населения открыли запись в кружки по садоводству (“Сады в Париже, мечта все ближе!” – гласил слоган, украшавший его фасад).

В общем, они поселились – и железобетонности этого аргумента никто не отменял – в пятнадцати минутах ходьбы от министерства. Сейчас ноль часов сорок две минуты – то есть этих мыслей, хоть они и касались всей его осмысленной взрослой жизни, ему хватило всего на четверть часа. Если выйти сию минуту, к часу он будет дома. Во всяком случае – по месту жительства.

Выйдя из кабинета, Поль сразу повернул направо, к северным лифтам, и в конце длинного, тускло освещенного коридора, ведущего к апартаментам министра, он заметил медленно бредущую ему навстречу фигуру в серой пижаме, сильно смахивающей на лагерную робу. Сделав еще несколько шагов, Поль узнал его: это был министр собственной персоной. Два месяца назад Брюно Жюж изъявил желание воспользоваться своей служебной квартирой, которая пустовала практически все время с момента возведения здания министерства. Иными словами, министр, пусть он и не заявил об этом откровенно, решил уйти из семьи, положив тем самым конец браку длиной в двадцать пять лет. Поль понятия не имел, каковы были конкретные причины разлада Брюно с женой, впрочем, он догадывался – в силу уже хотя бы эмпатии, возникающей между западными мужчинами приблизительно одного возраста и круга, – что они мало отличаются от его собственных. В кулуарах министерства шушукались (как же так, почему о подобного рода вещах шушукаются в кулуарах? это навсегда осталось для Поля загадкой, но шушукались несомненно) о том, что подоплека этой истории куда мерзее и все дело в бесконечных супружеских изменах – причем жена изменяла мужу. Нашлись даже свидетели, вроде как приметившие двусмысленные выкрутасы Эванжели-

ны, жены министра, на министерских приемах много лет назад. Жена Поля, к счастью, держалась в стороне от подобных скандалов. У Прюданс, насколько он мог судить, не было никакой сексуальной жизни, для личного расцвета ей, видимо, сполна хватало радостей более аскетичного характера, вроде йоги и трансцендентальной медитации, – вернее, их, может, и не хватало, да и ничего бы не хватило на самом деле, а уж секса и подавно; Прюданс не была *женщиной для секса*, Поль, по крайней мере, пытался себя в этом убедить, правда, без особого успеха, потому что в глубине души он прекрасно знал, что Прюданс создана для секса в той же, а то и в большей степени, чем подавляющее большинство женщин, и ее сокровенное “я” всегда будет нуждаться в сексе, в ее случае – в гетеросексуальном сексе, и уж если быть совсем точным – во введении члена. Но ужимки социального позиционирования внутри группы, как бы они ни были нелепы и даже недостойны, играют определенную роль, и Прюданс как в сексе, так и в веганстве оказалась первой ласточкой; асексуалов становилось все больше, это подтверждали результаты всех опросов, с каждым месяцем процент асексуалов среди населения возрастал, причем не равномерно, а в ускоренном темпе; журналисты, с их извечной склонностью к приблизительным оценкам и неправильному употреблению научных терминов, решительно объявили этот рост экспоненциальным, попав пальцем в небо, поскольку его темпы никак не соответствовали экстремальным характеристикам насто-

ящей экспоненты – хотя в скорости ему и нельзя было отказать.

В отличие от Прюданс и большинства своих современниц, Эванжелина когда-то отлично вжилась в роль *похотливой сучки*, а может, и до сих пор из нее не вышла, что, естественно, никак не могло устроить такого человека, как Брюно, любившего, прежде всего, теплый и уютный семейный очаг, где он мог бы на время отвлечься от борьбы за власть, неизбежной составляющей *политической игры*. Их с Прюданс супружеские неурядицы на самом деле были совершенно иного рода.

– А, Поль, ты тут? – Брюно явно еще не до конца проснулся; говорил он немного озадаченно, неуверенным тоном, впрочем вполне довольным. – Совсем заработался?

– Нет, не совсем. Вообще-то совсем нет. Я заснул у себя на диване.

– Ох уж эти диваны... – Брюно смаковал это слово, будто речь шла о чудесном изобретении, существование которого он только что для себя открыл. – Я плохо спал, – продолжал он уже совершенно другим тоном, – поэтому снова задумался о нашем деле. Зайдешь ко мне выпить? Мы не можем позволить китайцам сохранить монополию на редкоземельные элементы, – заметил он почти без паузы, убедившись, что Поль идет за ним. – Сейчас я завершаю сделку с “Линас”, это австралийская компания, – ты даже не представляешь, как с австралийцами трудно договариваться; с иттрием, гадоли-

нием и лантаном все в порядке, но проблем хватает, особенно с самарием и празеодимом; я сейчас на связи с Бурунди и с Россией.

– Ну с Бурунди будет все путем, – беззаботно отозвался Поль.

Бурунди – африканская страна; этим, в общем, ограничились его познания о Бурунди; тем не менее он склонялся к мысли, что Бурунди находится недалеко от Конго, из-за синтагмы “Конго-Бурунди”, всплывшей в закоулках его памяти, хотя и не мог приписать ей какое-либо устойчивое семантическое содержание.

– В последнее время в правительстве Бурунди собралась вполне исключительная команда, – гнул свое Брюно, на этот раз не ожидая ответа.

– Я бы чего-нибудь съел, – сказал Поль, – на самом деле я забыл сегодня поужинать, в смысле вчера вечером.

– Правда?.. Кажется, у меня остался сэндвич, ну нечто вроде сэндвича, я собирался съесть его днем. Он, наверное, не особо вкусный, но все лучше, чем ничего.

Они вошли в служебную квартиру, и Брюно обернулся к нему:

– Совсем забыл, я шел в кабинет за одной папкой. Подождешь минутку?

Министерский кабинет, где он принимал политиков, профсоюзных деятелей и боссов крупных компаний, находился в другом крыле, дорога туда и обратно занимала ми-

нут двадцать.

А тут, в маленькой комнатке, Брюно обустроил себе запасной офис: на обычной меламиновой столешнице под ясень, со стойкой для принтера, рядом с ноутбуком лежала стопка папок. Шторы он задернул, закрыв вид на Сену.

Новенькая кухня блистала чистотой, сюда, похоже, не ступала нога человека: в раковине не громоздились горы грязной посуды, огромный американский холодильник оказался пуст. В большой спальне, выходящей на Сену, тоже явно никто не жил, кровать была застелена. Брюно, судя по всему, спал в предполагаемой детской, если, конечно, вообразить себе не слишком привередливого ребенка. В комнатухе без окон, со стенами и ковровым покрытием серого цвета стояли односпальная кровать и тумбочка, другой мебели в ней не было.

Поль вернулся в обеденный салон, нависавший прямо над Сеной. За панорамными окнами с трех сторон открывалось захватывающее дух зрелище: аркады воздушного метро были ярко освещены, на Аустерлицкой набережной еще не рассосался сплошной поток машин; между опорами моста Берси плескалась Сена, переливаясь в блеске городских огней золотисто-желтыми цветами. Роскошный свет, заливавший комнату, ассоциировался скорее с какой-то пышной светской жизнью, с ночным Парижем, например, с элегантностью, а то и с пластическими искусствами. У него лично это не вызывало никаких ассоциаций, ни с чем знакомым

уж точно, да и для Брюно тоже, надо полагать, все это пустой звук. Посреди стола на восемь персон, покрытого белой скатертью, лежал в нераспечатанной упаковке *Daunat* сэндвич с куриной грудкой и эмменталем на тостовом хлебе и стояла бутылка безалкогольного пива “Туртель”. Вот, значит, чем питается Брюно; такое бескорыстное служение отечеству внушает невольное уважение, подумал Поль. Наверняка рядом с Лионским вокзалом найдется открытая брассери, обычно возле больших вокзалов попадают брассери, открытые до поздней ночи, где одиноким путникам предлагают традиционные блюда, что, впрочем, как правило, не может убедить их в том, что им все еще есть место в обычном мире людей, мире, славящемся домашней кухней и традиционными блюдами. Именно на эти героические брассери, официанты которых, насмотревшись на безграничные людские невзгоды, обычно умирают молодыми, и возлагал Поль в тот вечер свои последние гастрономические надежды.

Когда Брюно наконец вернулся с толстой папкой в руках, Поль стоял в маленькой смежной гостиной, погрузившись в изучение статуэтки животного, водруженной на подоконник. Зверь с искусно проработанной мускулатурой повернул голову назад. Он выглядел обеспокоенным, вероятно, услышал за спиной какой-то шум, почуял хищника. Пожалуй, это была коза, или, может, косуля, или лань, Поль плохо разбирался в животных.

– Что это? – спросил он.

– По-моему, лань.

– Да, ты прав, похоже на лань. Откуда она взялась?

– Не знаю, всегда тут стояла.

По-видимому, Брюно впервые заметил ее присутствие. Он снова принялся сетовать по поводу китайских и некитайских редкоземельных металлов, а Поль размышлял, стоит ли рассказать ему о ГУВБ. Он знал, что видео так глубоко задело Брюно, что он уже подумывал, не уйти ли из политики. В реальной политической жизни, ну, скажем так, в активной зоне реактора, Брюно был скорее аутсайдером. Его назначение в Берси почти пять лет назад не вызвало, мягко говоря, энтузиазма в министерстве – более того, ему чуть ли не *бронку*⁷ тогда устроили, если этот термин уместно использовать по отношению к инспекторам финансов в темно-серых костюмах. Он не был инспектором финансов и даже не заканчивал ЭНА; выпускник Политеха, он всю жизнь проработал в промышленном секторе. Там он добился впечатляющих успехов, сначала во главе *Dassault Aviation*, потом *Orano* и, наконец, *Arianespace*, где ему удалось за несколько лет искоренить всяческие поползновения американских и китайских конкурентов, выведя Францию на надежное первое место по запускам коммерческих спутников. Оружейное производство, атомный сектор, космическая индустрия – все это были высокотехнологичные отрасли, и каждая из них

---

⁷ *Бронка* – бурное возмущение зрителей действиями неумелого торреро во время корриды.

естественным образом обеспечивала выпускнику Политеха профессиональный рост и карьеру, идеально сопрягавшуюся с предвыборными обещаниями только что переизбранного президента. Последний действительно отказался от фантазмов *start-up nation*⁸, благодаря которым его избрали на первый срок, он, объективно говоря, добился лишь создания горстки нестабильных и низкооплачиваемых рабочих мест, на грани рабского труда, в неподконтрольных государству транснациональных корпорациях. Заново открывая для себя все прелести командной экономики во французском стиле, он решительно заявил, раскинув руки, что твой Христос (это он хорошо умел, и сейчас еще лучше, чем раньше, его руки распахивались под совершенно немислимым углом, видно, насобачился с тренером по йоге, иначе никак), на многолюдном парижском митинге, увенчавшем его кампанию: “Я пришел сегодня дать вам надежду, и пусть умолкнут вестники несчастья: сегодня Франция вступает в новое Славное тридцатилетие!”

Брюно Жюж, как никто другой, способен был принять этот вызов. Не прошло и пяти лет, как он чуть ли не перевыполнил свои обязательства. Самым впечатляющим его успехом, о котором больше всего говорили в прессе, успехом, оставившим к тому же глубокий след в общественном сознании, стало эффектное оздоровление промышленной груп-

---

⁸ Страна стартапов (англ.).

пы PSA⁹. После того как государство значительно увеличило свою долю в ее капитале и уже практически контролировало ее, группа направила свои усилия на завоевание лидирующих позиций в премиум-сегменте, сделав ставку на один из своих брендов – *Citroën*. В автопроме осталось только два рынка, по крайней мере, так считал Брюно, – эконом и премиум, равно как остались только – о чем, правда, Брюно говорить остерегался, да это и не входило непосредственно в его компетенцию – всего два социальных класса, богатые и бедные, средний класс просто испарился, и средний автомобиль вскоре канет в небытие вслед за ним. Франция продемонстрировала свои компетентности и амбиции на рынке недорогих автомобилей – поглощение *Dacia* компанией *Renault* послужило основой для впечатляющей *success story*, наверняка самой впечатляющей в новейшей истории автомобилестроения. Опираясь на свою репутацию неизменного лидера в индустрии роскоши и элегантности, Франция вполне могла бы принять вызов на рынке автомобилей премиум-класса и составить серьезную конкуренцию немецкому автопрому, думал Брюно. А вот люксовые авто нам недоступны, путь к ним перекрывают британские производители, кстати, не очень понятно, по какой причине, вероятно, это закончится только с исчезновением британской монархии; но премиум-класс, в котором доминировали немецкие производители, был в пределах досягаемости.

---

⁹ Акционерное общества “Пежо”.

С этой задачей, наиболее важной в его министерской карьере, из-за которой он долгие месяцы торчал по ночам в своем офисе в Берси, в то время как его жена распутничала на стороне, он в конечном счете справился. В прошлом году *Citroën* был на равных с *Mercedes* почти на всех мировых рынках. И даже на очень стратегически важном индийском рынке вышел в первый ряд, опередив трех немецких конкурентов – саму *Audi*, королеву *Audi*, оттеснили на второе место, и экономический журналист Франсуа Ленгле, хоть и не склонен был к излишним чувствам, прослезился, объявляя эту новость в крайне популярной передаче Давида Пюжада-са на канале *LCI*.

В свою очередь проявив – благодаря изобретательности дизайнеров, которых Брюно подбирал лично, выходя по такому случаю за рамки своей чисто технической роли и решительно навязывая собственное художественное видение – ту же дерзость, что и создатели легендарных моделей *Traction* и *DS*, компания *Citroën* – да нет, бери выше, Франция в целом – сумела снова стать символом роскоши, объектом зависти и восхищения во всем мире, и перелом произошел вопреки ожиданиям вовсе не благодаря сектору моды, а благодаря автопрому, самому знаковому и выдающемуся детищу союза технологической мысли и красоты.

Этот успех, хоть и самый шумевший, был далеко не единственным, и Франция вновь заняла место пятой эконо-

мики мира, наступая на пятки Германии, занимающей четвертое место: ее дефицит теперь составлял менее 1 % ВВП, она постепенно сокращала свой долг, и все это проходило, как ни удивительно, без протестов и забастовок, в атмосфере всеобщего одобрения; деятельность Брюно на посту министра увенчалась грандиозным успехом.

До президентских выборов оставалось уже меньше полугода, но президент, которого переизбрали бы без проблем, ни при каких обстоятельствах не мог выставить свою кандидатуру – после опрометчивой конституционной реформы 2008 года нельзя занимать пост президента более двух сроков подряд.

Что касается выборов, то многое было заранее известно: кандидат от “Национального объединения”¹⁰ выйдет во второй тур – его имя еще не названо, но у них имеется пять-шесть приемлемых претендентов – и потерпит поражение. Оставался простой, но крайне важный вопрос: кто станет кандидатом от партии власти?

Во многих отношениях Брюно подходил больше всего. Президент безоговорочно доверял ему, что немаловажно, поскольку он твердо вознамерился через пять лет вернуться на два новых срока. Как бы там ни было, он, похоже, убедил себя, что Брюно сдержит слово и согласится отойти в тень

---

¹⁰ “Национальное объединение” (до 1 июня 2018 г. “Национальный фронт”) – националистическая партия, основанная в 1972 г. Жаном-Мари Ле Пеном; с 2011 г. партию возглавляет его дочь Марин Ле Пен. С 13 сентября 2021 г. функции председателя партии фактически исполняет Жордан Барделла.

по истечении первого пятилетнего мандата, не поддавшись упоению властью. Брюно – практик, выдающийся, но практик, а отнюдь не государственный муж, и президенту удавалось, как правило, себя в этом убедить. Но все же в его затее было нечто от сделки с дьяволом, так что все еще вилами по воде писано.

Другой, куда более насущной проблемой стали опросы общественного мнения. Для 88 % французов Брюно был человеком “компетентным”; 89 % сочли его “трудолюбивым” и 82 % – “неподкупным”, такого выдающегося результата не добивался пока ни один политик за всю историю существования опросов общественного мнения, даже Антуану Пине и Пьеру Мендесу-Франсу было до него далеко. Правда, всего лишь 18 % назвали его “сердечным”, 16 % – “чутким”, и какие-то жалкие 11 % признали, что он “близок к народу”, а вот это уже вполне себе катастрофические показатели, его обогнали все до одного представители политического класса, вне зависимости от партийной принадлежности. Одним словом, его уважают, но не любят. Он понимал это и ужасно переживал, поэтому кровавое видео так сильно его задело, и не просто не любят, некоторые, получается, ненавидят его до такой степени, что инсценировали его казнь. Ну а выбор обезглавливания, с соответствующими революционными коннотациями этого метода, лишь подчеркивает образ бездушного технократа, столь же далекого от народа, что и старорежимные аристократы.

Ужасно несправедливо, потому что Брюно – хороший мужик, Поль знал это; но как убедить избирателей? С журналистами Брюно чувствовал себя неуютно, упорно отказывался отвечать на вопросы личного характера и к тому же избегал публичных выступлений. Как же он выдержит президентскую гонку? Что и говорить, его кандидатура вызывала сомнения.

Друзьями они стали относительно недавно. Работая в Управлении налогового законодательства, Поль несколько раз пересекался с Брюно, правда кратко. Масштабное сокращение налогов, проведенное им в первый же год пятилетнего президентского срока, касалось только инвестиций, непосредственно направленных на финансирование французской промышленности – этим непреложным условием он не готов был поступиться. К такому откровенному дирижизму в конторе не привыкли, и Полю пришлось практически в одиночку сражаться буквально со всеми чиновниками своего департамента и твердой рукой составлять директивы и отчеты, исходя из пожеланий министра. Они все-таки одержали верх в этой внутренней войне, которая длилась год с лишним и не прошла бесследно.

Совместная борьба привлекла к нему внимание Брюно, они начали общаться, но более личный характер их отношения приобрели позже, по случаю очередного конгресса Африканского союза, проходившего на этот раз в Аддис-Абебе,

а точнее, это произошло в баре отеля “Хилтон” вечером, после окончания первого рабочего дня. Поначалу разговор был неловким и натужным, но когда официантка вернулась, они вдруг расслабились.

— У меня сейчас с женой не клеится... — сказал Брюно, как раз когда она поставила перед ним бокал шампанского.

Поль от неожиданности чуть не опрокинул свой коктейль — какое-то дерьмовое и приторное тропическое пойло, так что он бы не сильно огорчился. В этот самый момент, с потрясающей синхронностью движений, за соседний столик сели две чернокожие проститутки. Брюно никогда прежде не заговаривал, даже вскользь, о своей личной жизни; Поль и понятия не имел, что он женат. Но в конце концов, почему бы и нет, ведь люди, мужчины и женщины, все еще иногда сочетаются браком, это, прямо скажем, обычное явление. А выпускнику Политеха, даже лучшему в своем выпуске, даже бывшему члену Корпуса горных инженеров, ничто человеческое не чуждо; он открылся ему с неожиданной стороны, и с этим теперь придется считаться.

Брюно, впрочем, ничего больше поначалу и не сказал; чуть позже он пробормотал вымученным голосом: “Мы уже полгода не занимались любовью...” Он сказал “занимались любовью”, сразу же отметил Поль, и выбор этого выражения с сентиментальным привкусом вместо глагола “трахаться” (который, вероятно, употребил бы он) или понятия “сексуальной жизни” (многие предпочли бы его, желая смягчить

нейтральным термином эмоциональный заряд такого признания) уже очень много о нем говорил. Брюно, даром что выпускник Политеха, *занимался любовью*, по крайней мере в прошлом; даром что выпускник Политеха (и в эту секунду его образ, включая склонность к жесткому бюджетному регулированию, предстал перед ним в новом свете), Брюно оказался романтиком. Зародился романтизм в Германии, об этом часто забывают, а вернее, зародился он на севере Германии, в среде пиетистов, сыгравших, кроме всего прочего, немаловажную роль на раннем этапе развития промышленного капитализма. Над этой болезненной исторической загадкой Поль иногда размышлял в пору юности, когда дела духовные еще могли его интересовать.

Он едва сдержался, чтобы не ответить резко и цинично: “Полгода? Я-то уже десять лет как, приятель!” И он бы не погрешил против истины, если уж на то пошло, он лет десять не “трахался” и уж точно не “занимался любовью” ни с Прюданс, ни с кем-либо еще. Но подобное замечание вряд ли прозвучало бы уместно на данном этапе их отношений, он вовремя спохватился. Брюно, вероятно, полагал, что у него есть шансы на улучшение или прямо-таки *возобновление* супружеской жизни; и действительно, если верить многочисленным свидетельствам очевидцев, по прошествии полугода шансы еще остаются.

В Аддис-Абебе вечерело, бар медленно заполнял рокот конголезской румбы. Девушки за соседним столиком, пусть

и проститутки, но проститутки премиум-класса, о чем говорило решительно все – наряды от модных дизайнеров, скромный макияж и особая элегантность стиля. Кстати, вполне возможно, это образованные девушки, а то и вообще инженеры или докторантки. Вдобавок весьма красивые девушки, их короткие обтягивающие юбки и приталенные топы сулили море удовольствий. Наверняка эфиопки, судя по величавой осанке, присущей женщинам этой страны. На этом этапе все могло получиться очень просто: им всего-то и требовалось, что пригласить их за свой столик. Они для того сюда и пришли, и не они одни, практически все только для того и съехались на этот чертов конгресс, ну не тут же, право, принимать решения, направленные на развитие Африки, уже к концу первого дня заседаний это стало очевидно. Не исключено, что Брюно и удастся впарить им исподтишка парочку атомных электростанций, это, кстати, его конек – впаривать атомные электростанции на международных конгрессах, да и то они не станут немедленно подписывать контракты, пока что обмениваются контактами, а подпишут позже, потихому, скорее всего в Париже.

Что же касается самого ближайшего будущего, то они пригласят девушек за свой столик, проведут краткие галантные переговоры, учитывая, что цена вопроса общеизвестна – с атомными электростанциями придется сложнее, но это уже не по его части. Надо еще, конечно, разобраться, кому какая девушка достанется, но тут Поль совсем не волновался: они

почти в равной степени ему нравились, были обе одинаково красивы, выглядели милыми и нежными и явно испытывали желание обслужить западный член. На этом этапе Поль вполне готов был уступить право выбора Брюно. Ну а если выбрать будет сложно, ничто не мешает им рассмотреть вариант фантазии на четверых.

И как раз в тот момент, когда эта мысль оформилась в его сознании, он понял, что ситуация абсолютно безнадежна. Его отношения с Брюно за последние несколько минут, бесспорно, приобрели совершенно иной характер, но все-таки они еще не дошли до того, да и вряд ли дойдут однажды, чтобы вместе переспать с девицами в одной комнате, их дружба никоим образом не могла завязаться на такой основе, ни тот ни другой не были и никогда не будут *блядунами*, не может же он спокойно наблюдать, как Брюно раздумывает, не воспользоваться ли ему услугами шлюхи, еще чего, не говоря уже о том, что Брюно – известный на всю страну политик, и журналисты, косящие под участников конгресса, уже, вероятно, слоняются в холле, отслеживая подступы к лифтам, так что он почувствовал, что облечен некоей миссией прикрытия по отношению к Брюно. В отсутствие элементарной мужской солидарности Брюно не посмеет при нем откликнуться на авансы девушек, и в то же время это создаст куда более прочное взаимопонимание между ними, основанное на целомудренности их реакции, и будет только способствовать возникновению беспрецедентной близости, поскольку

они, таким образом, отгораживаются от примитивного братства самцов.

Мгновенно сделав выводы из этого *инсайта*, Поль встал, сославшись на легкую усталость – наверное, джетлаг виноват, добавил он (довольно идиотское замечание, учитывая, что разница во времени между Парижем и Аддис-Абебой практически отсутствует) – и пожелал Брюно спокойной ночи. Девушки отозвались на это мимолетными телодвижениями и коротко посоветовались; и правда, расклад изменился. Что предпримет Брюно? Он может выбрать одну из двух девиц либо взять обеих, он сам, надо думать, так бы и поступил на его месте. А еще – и эта третья гипотеза, увы, казалась ему наиболее вероятной – он мог вообще ничего не предпринимать. Брюно – сторонник поиска долгосрочных перспектив, что в его случае, похоже, касается управления собственной сексуальной жизнью в той же мере, что и промышленной политикой страны. Он не достиг и, возможно, никогда не достигнет присущего все чаще лично ему, Полю, мрачного состояния духа, объяснявшегося сознанием того, что долгосрочной перспективы не существует; что жизнь как таковая не имеет долгосрочной перспективы.

Сейчас, когда это воспоминание неожиданно вернулось к нему четыре года спустя – воспоминание о том мгновении, когда он решил встать и подняться к себе в номер, оставив Брюно один на один с его потенциальной сексуальной судьбой на ближайшую ночь, – Поль понял, что не расскажет ему

о встрече с мужиком из ГУВБ, не сейчас, не так сразу.

Назавтра после того вечера, оплачивая счет за мини-бар на стойке администратора, Поль спросил про Брюно и с удивлением узнал, что тот уехал из отеля рано утром, забрав багаж. Этот одинокий утренний побег не имел никакого отношения к любовным приключениям, мобильник Брюно был на автоответчике, и ситуация требовала немедленно принятия решения: надо ли ему прямо сейчас предупредить дипломатические службы? Не мог же он, в самом деле, бросить своего министра на произвол судьбы, но в итоге он предпочел все же дать ему немного времени и заказал такси в аэропорт.

В мини-вэне “мерседес”, который вез его в аэропорт Аддис-Абебы, может поместиться, подумал Поль, многодетная семья. Аддис-Абеба, благодаря своей высоте над уровнем моря, не страдает от чрезмерно высоких температур Джибути и Судана и претендует в будущем на статус ключевого африканского мегаполиса, экономического стержня всего континента. По истечении своего краткого визита в этот город Поль склонялся к мысли, что эта задача вполне осуществима; в том, что касается, к примеру, рынка вспомогательных услуг, вчерашние проститутки были более чем достойного уровня и запросто захомутали бы любого западного бизнесмена, равно как и бизнесмена китайского.

Центральный зал аэропорта был переполнен туристами,

некоторые из них, как он понял из их разговоров, приехали фотографировать окапи. Их туроператор явно оказался не лучшим советчиком: окапи обитают лишь в небольшом районе на северо-востоке Демократической Республики Конго, в лесу Итури, где специально для них создан заповедник, кроме того, учитывая осторожные повадки окапи, сфотографировать их очень трудно. В кафетерии аэропорта к нему подошел коренастый жизнерадостный словенец, член делегации ЕС. Ничего умного он сказать не мог, как, впрочем, и другие члены делегаций ЕС. Однако Поль терпеливо внимал ему, потому что именно так и надлежит вести себя с членами делегаций ЕС. Внезапно его ослепило неистовое созвучие красок – из толпы туристов вышла смуглолицая девушка с длинными черными волосами, в белых брюках и красной майке. Но ослепление быстро прошло, да и сама девушка вроде исчезла, растворилась в то перегретом, то прохладном воздухе терминала; хотя подобное исчезновение, не сомневался Поль, практически нереально.

За мгновение до того, как из громкоговорителей раздался последний вызов на посадку, в зале вылета появился Брюно с чемоданом в руке. Он не сказал, чем был так занят и по какой уважительной причине опоздал, а Поль не осмелился спросить его ни тогда, ни после.

Через неделю после их возвращения Брюно предложил ему работать в министерском аппарате. В таком решении

не было ничего из ряда вон выходящего, на нынешнем этапе своей административной одиссеи Полю как раз и полагалось пройти через аппарат министра, такова обычная практика. Куда удивительнее был тот факт, что на него, как он тут же понял, не возлагалось никаких конкретных обязанностей. Составление рабочего графика Брюно не тянуло на полную занятость, он оказался гораздо менее плотным, чем Поль мог предположить. Брюно предпочитал работать с документами и почти не назначал встреч; Бернар Арно, например, будучи самым богатым человеком Франции, пытался попасть к нему на прием с начала текущего президентского срока, но тщетно. Просто его вообще не интересовала индустрия роскоши – которая к тому же ничуть не нуждалась в помощи государства.

Постепенно Поль понял, что ему в основном отводилась роль конфидента, когда у Брюно возникала такая необходимость. Он не видел в этом ничего ненормального или унижительного; Брюно стал, пожалуй, самым значительным министром экономики со времен Кольбера, и если ему суждено и впредь нести службу на благо государства, то, видимо, еще в течение многих лет он вынужден будет смиряться со своей особой судьбой и неизбежно присущими ей колебаниями и сомнениями. В советниках он не нуждался и досконально знал текущие дела, до такой степени, что казалось, у него есть второй мозг, компьютерный мозг, пересаженный в мозг обычный, человеческий. Но доверенное лицо, человек,

на которого он мог бы по-настоящему положиться, вероятно, чрезвычайно важен для него на данном этапе его жизни.

С тех пор прошло два года, и сегодня ночью Поль уже не очень-то вслушивался в слова Брюно. Отвлечшись от редкоземельных металлов, он обрушился с яростной обличительной речью на китайские солнечные батареи, на немыслимые трансферы технологий, которые Китай выцыганил у Франции во время предыдущего мандата, благодаря чему наводнил теперь Францию своими товарами по бросовым ценам. Он уже подумывал даже об объявлении настоящей торговой войны Китаю, чтобы защитить интересы французских производителей солнечных батарей.

– А что, это, может, и неплохая идея, – сказал Поль, впервые перебив Брюно, ему же надо реабилитироваться перед электоратом экологов, особенно после безоговорочной поддержки французской атомной промышленности. – Я, наверное, пойду, – добавил он. – Уже два часа.

– Да... Да, конечно. – Брюно взглянул на папку, которую так и держал в руке. – Я еще поработаю тут немного.

Умом Поль понимает, что находится в помещении министерства, поскольку только что вышел из офиса Брюно; однако он не узнает металлические стены лифта, тусклые и обшарпанные, которые начинают слегка вибрировать, когда он нажимает на кнопку 0. На грязном бетонном полу валяется всякий мусор. Разве в лифтах бывает бетонный пол? Должно быть, он случайно зашел в грузовой. Холодное, скованное пространство, словно кабина держится на невидимом металлическом каркасе, не будь его, она бы обвалилась, осела, как проколотый, сдувшийся воздушный шарик.

С протяжным металлическим скрежетом лифт останавливается на нулевом этаже, но двери не хотят открываться. Поль снова и снова жмет на кнопку 0, но двери словно застыли, и его понемногу охватывает тревога. После недолгих колебаний он нажимает кнопку экстренного вызова; сигнал поступает в круглосуточную диспетчерскую службу, по крайней мере, так обстоит дело с обычными лифтами, и, надо думать, с грузовыми тоже. Лифт тут же едет вниз, на этот раз гораздо быстрее, номера этажей на табло прокручиваются с бешеной скоростью. Затем неожиданно останавливается, с резким толчком, так что Поль чуть не теряет равновесие: он на минус 62-м этаже. А он и не знал, что в министерстве 62 подземных этажа, но, в конце концов, почему бы и нет,

он просто никогда не задавался этим вопросом.

На этот раз дверцы открываются быстро, плавно: перед ним уходит в бесконечность светло-серый, почти белый, тускло освещенный бетонный коридор. Он рванулся было наружу, но передумал. Хотя оставаться в лифте тоже боязно, он явно барахлит. Но почему на – 62-м этаже? Кто вообще выходит на – 62 этаже? Коридор перед ним пуст и безлюден, создается впечатление, что он так выглядит уже целую вечность. А что, если лифт уедет без него? Что, если он останется пленником – 62-го этажа и погибнет тут от голода и жажды? Он снова нажимает на кнопку 0. – 62-й этаж, равно как и все промежуточные, вдруг замечает он, не значатся на панели с кнопками; ниже – 4-го ничего нет.

Лифт мгновенно прыгает вверх и несется на этот раз с головокружительной скоростью, цифры наезжают друг на друга, мелькают так стремительно, что он не успевает их разобрать, у него почему-то вдруг возникает ощущение, что знак минуса исчез. Затем лифт, жутко дернувшись, замирает, Поля отбрасывает к задней стенке; кабина продолжает содрогаться еще секунд тридцать, потом все стихает; этот подъем, несмотря на его краткость, показался ему бесконечным.

Он на 64-м этаже. Ну вот, этого не может быть, потому что не может быть никогда, в зданиях Министерства экономики всегда было только шесть этажей, в этом он абсолютно уверен. Двери снова открываются, перед ним очередной коридор, устланный белым ковровым покрытием, с панорамны-

ми окнами по обе стороны; его заливают очень яркий, почти слепящий свет; издали доносятся звуки электрооргана, то развеселые, то печальные.

Поль на этот раз не двигается с места, стоит не шелохнувшись целую минуту, не меньше. По истечении этого времени механизм запускается снова, словно вознаграждая его за покорность: двери плавно закрываются, лифт едет вниз в нормальном темпе. И хотя на дисплее теперь отображаются этажи (40, 30, 20...), соответствующих кнопок на панели нет, все заканчивается на шестом, зато они следуют друг за другом с обнадеживающей регулярностью.

Лифт застывает на нулевом уровне, двери широко открываются. Поль спасен или думает, что спасен, но, выйдя из лифта, понимает, что ни в каком он не в министерстве, а в совершенно незнакомом месте. Это огромный холл, с потолком высотой метров пятьдесят, не меньше. Торговый центр, подсказывает Полю интуиция, вот только магазинов что-то не видать. Возможно, он попал в какую-нибудь латиноамериканскую столицу, постепенно слух возвращается к нему, он улавливает звуки музыки, что подтверждает гипотезу о торговом центре, кроме того, в гомоне голосов вокруг него слышится вроде бы что-то испаноязычное, и гипотеза о латиноамериканской столице кажется вполне состоятельной. Однако довольно многочисленные покупатели, снующие по залу, совсем не похожи на латиноамериканцев, ни вообще на человеческих особей. Их лица, неестественно плоские, прак-

тически безносые, отличаются нездоровой бледностью. Поль внезапно проникся уверенностью, что у них длинные цилиндрические языки, причем раздвоенные, как у змеи.

В этот момент до него донесся прерывистый звоночек, короткий, но неприятный, который повторялся снова и снова каждые пятнадцать секунд. Не столько звонок, сколько сигнал уведомления, но на этом месте он неожиданно проснулся и понял, что на его мобильнике звякнуло новое сообщение.

Сообщение оставила Мадлен, спутница жизни его отца. Она звонила в девять утра, а сейчас уже одиннадцать с чем-то. Поль с трудом разбирал ее слова пополам со всхлипами и жутким грохотом транспорта на заднем плане. Он все же понял, что отец впал в кому и его перевезли в больницу Сен-Люк в Лионе. Он сразу ей перезвонил. Мадлен ответила в ту же секунду. Она уже немного успокоилась и смогла объяснить ему, что у отца случился инфаркт мозга, он встал, а она решила поваляться в постели еще чуть-чуть, и тут из кухни до нее донесся глухой удар. Затем она пожаловалась, что скорая ехала ужасно долго, чуть ли не полчаса. Ничего удивительного, ведь отец живет на природе, в труднодоступной деревушке в Божоле, километрах в пятидесяти к северу от Лиона. Да, ничего удивительного, но последствия могли быть очень серьезными, в течение нескольких минут кислород не поступал в мозг, и какие-то его отделы, вероятно, пострада-

ли. Иногда она умолкала, захлебываясь рыданиями, а Поль, разговаривая с ней, смотрел в интернете железнодорожное расписание – ближайший поезд отправлялся в Лион-Перраш в 12.59, он вполне успевает, у него даже будет время зайти в министерство, перекинуться парой слов с Брюно, это ему по пути, заодно он забронировал номер в лионском “Софите-ле”, судя по всему, он находится недалеко от больницы Сен-Люк, затем Поль разъединился и собрал вещи.

Он подождал пару секунд у входа в офис Брюно.

– У меня встреча с гендиректором “Рено”... – объявил тот, высунувшись по пояс в приоткрытую дверь. – Что-то случилось?

– Отец в коме. Я еду в Лион.

– Я почти закончил.

Ожидая его, Поль просматривал медицинские информационные сайты. Инфаркт мозга – это вариант инсульта, более того, самая распространенная его форма, на которую приходится 80 % всех случаев. Продолжительность кислородного голодания мозга является ключевым фактором в определении жизненного прогноза.

– Они тебе скажут, что сами мало что знают и не вправе делать никаких прогнозов... – сказал Брюно через две минуты. – К сожалению, так оно и есть. Он может очнуться через несколько дней, равно как и оставаться в таком состоянии гораздо дольше. В прошлом году моего отца разбил инсульт, так он полгода пролежал в коме.

– А потом?

– А потом он умер.

На вокзале было на удивление безлюдно, Поль успел купить панини и врапы и теперь медленно жевал их, мчась на скорости 300 км/ч по Бургундии, под серым непроницаемым небом. Отцу семьдесят семь, возраст почтенный, но не слишком, многие теперь живут гораздо дольше, так что это аргумент скорее в его пользу; правда, практически единственный. Заядлый курильщик, любитель мясных деликатесов и крепких вин, его отец, насколько ему было известно, не особенно уважал физические упражнения – полный набор для развития серьезного атеросклероза.

Поль взял такси, хотя больничный центр Сен-Люк находится всего в пяти минутах езды от вокзала Лион-Перраш. Пробка вдоль Роны на набережной Клода Бернара выглядела безнадежной, лучше бы он пошел пешком. Фасад клиники, выложенный прямоугольниками из цветного стекла, наверняка был задуман для улучшения настроения родственников больного, он как бы намекал, что это больница по-нарошку, больница-лего, больница-игрушка. Эффект достигался лишь частично, стекло местами потускнело и испачкалось, а жизнерадостность не внушала доверия; но стоило посетителю зайти в коридор или в палату, прикроватные мониторы и аппараты ИВЛ быстро возвращали его на землю. Вы сюда не развлекаться пришли; вы сюда пришли умирать,

в большинстве случаев.

– Да, месье Резон, вашего папу госпитализировали сегодня утром, – сообщила ему администратор. Ее голос был мягким, слегка успокаивающим, одним словом, идеальным. – Конечно, вы можете к нему зайти, но главврач хотела бы сначала с вами побеседовать. Я скажу ей, что вы здесь.

Главврач оказалась решительной элегантной дамой лет пятидесяти, явно из буржуазной среды – чувствовалось, что она привыкла отдавать распоряжения и *ужинать в ресторанах*, у нее и серьги были буржуазные, и Поль не сомневался, что под безупречно застегнутым больничным халатом прячется неброское жемчужное кольцо – честно говоря, она чем-то напомнила ему Прюданс, вернее, Прюданс могла бы стать такой, ей это было на роду написано, и как ни истолковывай эту информацию, хорошего в ней мало. И минуты не прошло, как она нашла историю болезни – на ее рабочем столе царил образцовый порядок, и на том спасибо.

– Вашего папу госпитализировали сегодня утром, в восемь часов семнадцать минут. – Она тоже сказала “папа”, какой ужас, неужели в перечень официальных инструкций входит немедленная инфантилизация родственников? Ему сейчас под пятьдесят, и он уже давно не называет отца “папой”, интересно, сама она, что ли, своего отца называет “папой”, верится с трудом. Проблема в том, что “Эдуара” он тоже не мог из себя выдавить, он же не брат ему и не приятель-ровес-

ник, короче, он совсем не понимал, как к отцу обращаться.

– Мы тут же сделали ему МРТ, – продолжала она, – чтобы определить местонахождение поврежденной мозговой артерии, затем провели тромболизис и тромбэктомию для удаления блокирующего сгустка крови. Операция прошла успешно; к сожалению, ситуацию осложнило повторное кровоизлияние.

– Как вы думаете, есть ли надежда, что он поправится?

– Вполне нормальный вопрос с вашей стороны. – Она удовлетворенно кивнула; ей явно импонировали нормальные пациенты, нормальные родственники и здравые вопросы. – К сожалению, я должна признаться, что мы понятия не имеем; МРТ позволяет определить только, какие области затронуты – в данном случае это лобно-теменная доля, – но не тяжесть повреждений. Предпринимать какие-либо дополнительные медицинские действия не имеет смысла; мы будем просто наблюдать за его состоянием, контролируя кровяное давление и уровень сахара в крови. К вашему папе может вернуться сознание в полном объеме или хотя бы частично; но и смерть мозга в обозримом будущем исключить нельзя, на данном этапе все бывает. Давайте не будем обольщаться... – заключила она без всякой на то необходимости.

– А тут разве кто-нибудь обольщается? – вырвалось у него. Она начинала действовать ему на нервы.

– Ну, надо сказать, что спутница вашего отца... Ее эмоциональные всплески, конечно, вполне объяснимы. Впрочем,

после приезда вашей сестры она немного успокоилась.

Значит, Сесиль уже тут; как это она успела добраться сюда из Арраса? В отличие от него, она вставала очень рано, и Мадлен, видимо, прежде всего позвонила ей, с Сесиль она сразу поладила, а вот его всегда немного побаивалась – вероятно, потому что он был старшим сыном, а может, она всех немного побаивалась.

– И последнее... – Она встала, чтобы проводить его до двери. – Вашего папу пришлось подключить к аппарату искусственной вентиляции легких, иначе он не смог бы дышать, и я понимаю, что зрелище трахеотомии родственникам трудно вынести. Но ему не больно, уверяю вас, он вообще не страдает.

Действительно, “папа” с трубкой в горле, соединенной с массивным агрегатом на колесах, который заполнял все пространство вокруг монотонным жужжанием, с капельницей в вене у локтя и электродами, прилепленными к черепу и груди, выглядел чудовищно старым и немощным – при взгляде на него казалось, что он недолго протянет. В углу палаты сидели рядом две женщины, создавалось впечатление, что они за последние несколько часов даже не шелохнулись. Мадлен первой заметила Поля и бросила на него взгляд, в котором читались ужас и облегчение одновременно, но встать со стула не осмелилась. А Сесиль подошла и обняла его. Когда же они виделись в последний раз, подумал он. Лет семь назад,

может восемь. А ведь Аррас совсем недалеко, менее чем в часе езды на скоростном поезде. Она немного постарела, у нее появилось несколько седых волосков, Впрочем, они едва просматривались в ее по-прежнему пышной светло-русой копне. Лицо чуть расплылось, но изысканной тонкости черт она не утратила. Его младшая сестра считалась одной из самых красивых девочек в лицее, он хорошо это помнил, ее ухажерам он тогда счет потерял. Но все же он не сомневался, что она оставалась девственницей до замужества, ей не удалось бы скрыть даже мимолетный роман. Уже тогда она была очень набожной, по воскресеньям ходила к мессе и принимала активное участие в мероприятиях своего прихода. Однажды он застал ее за молитвой, она стояла, преклонив колени, у себя в комнате – он ошибся дверью, когда ночью встал пописать. Он смутился, это он хорошо помнил, как смутился бы, застукав ее с мужиком. Она тоже выглядела слегка смущенной, ей тогда, наверное, было лет шестнадцать, но позже, когда он волновался перед экзаменами – а ему не раз, и небезосновательно, случалось волноваться перед экзаменами, – она обещала “попросить за него Пресвятую Деву”, причем таким естественным тоном, будто собиралась зайти в химчистку за кофточкой. Он правда не знал, откуда у нее взялась такая склонность к мистицизму, в их семье это было уникальное явление. И мужа она выбрала по своему образу и подобию, с виду все же более здравомыслящего – вообще, как правило, провинциальный нотариус – это ходячее здра-

вомыслие, что, собственно, при знакомстве с ним и сбивало с толку, на самом же деле, пообщавшись с Эрве две-три минуты, собеседник начинал улавливать в нем какую-то *пронзительность* и преисполнялся уверенностью, что он, ни секунды не колеблясь, отдал бы жизнь за Христа или во имя прочих аналогичных идеалов. Поль любил их и считал красивой парой – они с Прюданс им уж точно в подметки не годились, а их брат со стервозой невесткой и подавно.

– Ты в порядке? Держишься? – спросил он наконец, выпустив ее из объятий.

– Да. С трудом. Но я знаю, что папа выкарабкается. Я попросила Господа.

Через пару минут в палату вошла медсестра, проверила капельницу, положение дыхательной трубки, записала несколько цифр, высветившихся на контрольных мониторах.

— Мы сейчас его помоем... — сказала она. — Можете остаться, если хотите, но это не обязательно.

— Мне надо покурить, — сообщил ей Поль.

Как правило, ему удавалось сдерживаться в течение определенного промежутка времени, соответствующего *нормам о запрете курения в общественных местах*; но тут был случай форс-мажора. Он вышел на набережную и тут же продрог до костей. Человек тридцать вышагивали туда-сюда перед воротами больницы с сигаретой в зубах; никто из них не произносил ни слова и, казалось, даже не замечал окружающих, замкнувшись в своем личном маленьком аду. Впрочем, если и есть место, генерирующее тревожные ситуации, место, где потребность в сигарете быстро становится нестерпимой, так это больница. Положим, у вас есть муж, отец или сын, и еще сегодня утром он жил с вами, но пройдет несколько часов, а то и минут, и у вас его заберут; что, как не сигарета, может быть на высоте положения в данной ситуации? Иисус Христос, ответила бы, наверное, Сесиль. Да, наверное, Иисус Христос. Последний раз Поль видел отца в начале лета, еще и полугодом не прошло. Он прекрасно выглядел, увле-

ченно готовился к предстоящей поездке с Мадлен в Португалию – они собирались уехать на следующей неделе, и он как раз бронировал номера в отелях – в *пouzadas* или других подобных заведениях, ему хотелось снова побывать там повсюду, он всегда любил эту страну. Отец интересовался и политическими новостями и долго, со знанием дела, рассуждал о возобновлении деятельности *black blocs*¹¹. Короче, их встреча прошла очень хорошо и обнадежила его; отец вполне соответствовал образу активного пожилого непоседы, которому старость в радость, что же касается его супружеской жизни, то Полю оставалось лишь ему позавидовать – вот типичный пенсионер, думал он, образцовый герой рекламного ролика о ритуальном страховании.

Рабочий день в офисах только что закончился, на набережной Клода Бернара пробка стала еще плотнее, движение фактически застопорилось. На светофоре, прямо напротив больницы, снова зажегся красный свет; раздался первый гудок, похожий на одинокий крик марала, и следом засигналили все, выбросив в загазованный воздух гигантскую звуковую волну. У всех этих людей наверняка полно своих разнообразных забот, личных и профессиональных; они далеки от мысли, что смерть поджидает их прямо тут, на набережной. В больнице *родные* собирались уходить – у них тоже,

---

¹¹ Черный блок (*англ.*), тактика протестных демонстраций, участники которых носят черную одежду, маски и темные очки для анонимности и защиты от слезоточивого газа.

конечно, есть личная и профессиональная жизнь. Задержись они еще на пару минут, они увидели бы смерть. Она стояла внизу, недалеко от входа, но уже готова была подняться; такая сучка, правда сучка буржуазная, стильная и сексуальная. При этом она гребет все кончины подряд, умирающие из бедных слоев общества могут рассчитывать на нее наравне с богачами; как и все бляди, она не привередничает, выбирая клиентов. Больницы не должны находиться в городе, подумал Поль, тут слишком суматошная атмосфера, перенасыщенная планами и желаниями, город не лучшее место для умирания. Он закурил третью сигарету; ему не очень хотелось возвращаться в палату к отцу, лежащему с трубкой в горле, однако он себя заставил. Сесиль была с ним одна, она преклонила колени в изголовье кровати и знай себе молилась – совершенно “беззастенчиво”, невольно подумал он.

– Ты молишься... Богу? – спросил он с ходу, нет, ему явно с этим не свикнуться, интересно, когда-нибудь он научится задавать не только дурацкие вопросы?

– Нет, – сказала она, вставая, – это обычная молитва, мне сейчас лучше к Пресвятой Деве обращаться.

– Да, понимаю.

– Нет, ты ровным счетом ничего не понимаешь, но это не страшно! – Она чуть не расхохоталась, ее улыбка была ослепительной и немного насмешливой, и внезапно он вспомнил то лето, когда ей исполнилось девятнадцать, незадолго до того, как она познакомилась с Эрве, она точно так же тогда

улыбалась. В то время его младшая сестра жила беспечной и какой-то поразительно безоблачной жизнью. Сам же он находился на полпути очередного запутанного романа, ближе к концу полпути на самом деле, Вероника только что сделала от него аборт, причем ей даже в голову не пришло с ним посоветоваться, он узнал эту новость на следующий день после операции, что само по себе было плохим знаком, и действительно, через несколько недель она бросила его, это она произнесла роковые слова, что-то вроде: “Наверное, нам лучше расстаться” или, скорее, “Наверное, нам надо сделать паузу и все хорошенько обдумать”, сейчас и не вспомнишь, в любом случае одно другого стоит, да и вообще, только начнешь что-то обдумывать, как все сразу покатится понятно куда, кстати, не только в плане чувств; обдумывание и жизнь просто-напросто несовместимы. Впрочем, нельзя сказать, что он лишился тем самым какой-то невероятно заманчивой жизненной перспективы, Вероника была заурядной особой, средоточием всей заурядности мира, и вполне могла бы стать ее символом. Он не знал, где она теперь и что с ней происходит, да и желания знать не испытывал, но ее муж, если таковой имелся, наверняка был несчастлив, да и она сама тоже: осчастливить кого-то и самой быть счастливой – это не про нее; она просто не умела любить.

Да и с учебой у него возникли проблемы, тоже отдававшие, как он понимал теперь, по прошествии времени, унылой заурядностью. Он сомневался, что ему удастся окончить

ЭНА в числе лучших и, соответственно, получить право выбрать инспекцию финансов – вот что тогда в основном занимало его мысли. У Сесиль и тут все шло как по маслу, она просто нигде не училась, а подписывала один за другим временные контракты в сфере социальной помощи или ухода за больными, она, видимо, тогда уже практически решила, что станет домохозяйкой, в смысле, что работать будет только в случае крайней необходимости, трудовая жизнь никоим образом ее не привлекала, да и учиться она не рвалась. “Я не интеллектуалка”, – любила она повторять. По правде говоря, он тоже не то чтобы зачитывался по ночам Витгенштейном, но с амбициями у него было все в порядке. Амбиции? Сейчас он затруднился бы воспроизвести природу своих амбиций. Явно это были не политические амбиции, ну уж нет, ничего подобного ему и в голову не приходило. Если он и вынашивал амбициозные планы, то они сводились к квартире с великолепным общесемейным пространством, панорамные окна которого выходят на парк Берси, к возможности каждое утро идти по городскому саду, в котором соблюдается биоразнообразие, растут гинкго билоба и разбиты овощные грядки, ну и к женитьбе на ком-нибудь вроде Прюданс.

– Я отправила Мадлен домой спать, – сказала Сесиль, прервав его раздумья. – Ей сегодня досталось.

Он и думать забыл про Мадлен и сейчас вдруг ужаснулся, представив себе, в какой она оказалась ситуации. Десять лет

назад отца ушли на пенсию, а через несколько дней умерла мать. Поль тогда серьезно опасался за здоровье отца, да и за его жизнь тоже. Он остался без работы, он остался без жены, он просто не понимал, как дальше жить. Он мог часами сидеть на месте, листая старые дела. У него даже не возникало мысли помыться или поесть; зато, к сожалению, он по-прежнему выпивал, и куда больше, чем раньше. Пребывание в психиатрической клинике Макон-Бельвю решило проблему лишь отчасти, благодаря разнообразным психотропным препаратам, которые он заглатывал с удивительной готовностью, он проявил себя на удивление *покладистым* пациентом, по выражению главврача. Затем он вернулся в Сен-Жозеф, в свой любимый дом, ставший частью его жизни, но всего лишь частью его жизни. Он работал в ГУВБ, но работа закончилась; его брак тоже закончился; неожиданно его существование в значительной степени упростилось; дом, конечно, никуда не делся, но дома могло оказаться недостаточно.

Поль так и не узнал, получала ли Мадлен зарплату от совета департамента или от регионального совета. Она работала помощницей по хозяйству и выполняла обычные поручения (уборка, покупки, готовка, стирка, глажка), для чего отец был совершенно непригоден, как и все мужчины его поколения, — и не то чтобы мужчины следующего поколения приобрели больше навыков, просто женщины их подрастеряли, так что волей-неволей установилось определенное равенство, в результате чего богатые и полубогатые ста-

ли прибегать к *аутсорсингу* (так это называется в компаниях, передающих уборку и охрану помещений на субподряд внешним поставщикам услуг), у остальных же повально портилось настроение, размножались паразиты, и вообще они зарастали грязью. Так или иначе, отцу срочно требовалась домработница, и этим все бы, по идее, и закончилось. Неужели отец влюбился? А что, разве можно влюбиться в шестьдесят пять лет? Наверное, можно, чего только не бывает на белом свете. А вот Мадлен, несомненно, влюбилась в отца, и от этого непреложного факта Полю становилось не по себе, он не имел ни малейшего желания соприкоснуться с его личной жизнью. Ну а чему тут удивляться, отец по-своему человек мощный, кстати, он всегда немного его побаивался, да, побаивался, хотя не слишком, ведь отец к тому же добрый человек, это бросается в глаза, да, по натуре скорее добрый человек, слегка умученный и ожесточившийся на работе в спецслужбах, не имеющих ничего общего со средой, к которой привыкла Мадлен, она-то просто бедная девушка, больше ничего, и жила на редкость дерьмовой жизнью, недолгий брак с алкоголиком, и всё, мы и представить себе не в состоянии, как, в сущности, скудна людская жизнь, даже когда сами принадлежим к этим “людям”, а ведь так оно и есть, практически всегда. Ей было ровно пятьдесят – то есть на пятнадцать лет меньше, чем отцу, – и ей так и не довелось испытать счастье или что-либо схожее с ним. При этом она была все еще красива, а когда-то наверняка даже очень кра-

сива – что, бесспорно, способствовало в немалой степени ее горестям, и не потому, что, будь она уродиной, ей бы счастье привалило, отнюдь, но в ее случае несчастье стало бы куда более монотонным, тоскливым и скоротечным, и она, вероятно, умерла бы гораздо раньше. И вот этого обрушившегося на нее напоследок счастья она, того и гляди, лишится из-за какого-то тромба в мозговой артерии. Разве она может отнестись к этому спокойно? Она как собака, потерявшая хозяина. А собака в такой ситуации мечется и воеет.

– Ты в каком отеле? – наконец спросил он Сесиль, отвлекаясь от своих одиноких мыслей.

– В “Ибисе”, рядом с вокзалом. Все хорошо, ну, в общем, удобно.

Ну разумеется, “Ибис”. Возможно, в знак христианского смирения. По правде говоря, его немного раздражало это христианское смирение, Эрве все же нотариус, черт возьми, а не бомж. Мадлен, святая пролетарская простота, с радостью согласилась отринуть всякое смирение, христианское и прочее; она почти по-детски обрадовалась, вспомнил он, узнав, что будет ночевать с отцом в роскошных португальских *поузада*s.

– Я забронировал номер в “Софителе”... Давай поужинаем прямо там, в ресторане, я тебя приглашаю. – Поль сопроводил свои слова эффектным жестом, он видел, что так делают игроки в онлайн-покер. – Это в двух шагах, на набе-

режной Роны, но с той стороны, практически напротив.

– Хорошо, покажи на карте. – Она вынула из сумочки план Лиона. Это было действительно в двух шагах, только мост перейти. – Я посижу тут, они закрываются в полвосьмого. Не купишь мне по дороге одну лионскую колбаску? Ну, для варки, я обещала Эрве. Можешь зайти в “Монталан”, это тебе по пути, на улице Франклина, где-то посередине.

– Хорошо, одну лионскую колбаску.

– Возьми даже две, пожалуй, одну с трюфелями, другую с фисташками. Кстати, себе тоже заодно купи, у них потрясающие лионские колбаски, это одна из лучших лавок мясных деликатесов во Франции.

– Ну готовка, знаешь ли, это не мое.

– При чем тут готовка... – Она снисходительно покачала головой, с оттенком нетерпения, правда. – Опускаешь в кипящую воду на полчаса, вот и вся готовка. Ну, твое дело.

Рона – могучая река поразительной ширины, он уже минут пять шагал по Университетскому мосту; *величая* река, иначе не скажешь; Сена по сравнению с ней просто жалкий ручеек. У него из кабинета открывался вид на Сену, это была одна из привилегий сотрудников аппарата, но он почти не смотрел на нее в течение дня и теперь, глядя на Рону, понял почему. Когда он был маленьким, в учебниках по географии для начальной школы каждой французской реке непременно сопутствовал определенный эпитет. Луара считалась *капризной*, Гаронна – *неудержимой*, а вот про Сену он не мог вспомнить. *Мирная*? Да, вполне возможно. А Рона? Наверняка именно что *величая*.

Зайдя в номер, он проверил сообщения. Вернее, одно-единственное, от Брюно. “Держи меня в курсе пжлст”. Он почти сразу же позвонил ему и постарался, как мог, обрисовать ситуацию, только, честно говоря, он сам практически ничего знал. Он добавил, что, скорее всего, вернется завтра в первой половине дня.

Ресторан “Три купола” ничем не поражал воображение, в меню предлагался обычный показушный набор блюд с более или менее забавным выпендрежем, вроде “Адажио даров нашего края” и “Его Величества омара”. Он с ходу, не задумываясь, выбрал малосольную норвежскую треску, а его

сестра продолжала мечтательно изучать меню, вряд ли ей часто приходилась бывать в мишленовских ресторанах. Зато он оттянулся на вине, решительно заказав одну из самых дорогих бутылок в винной карте – “Кортон-Шарлемань”. Вино отличалось “маслянистыми тонами и ароматами цитрусовых, ананаса, липового цвета, печеного яблока, папоротника, корицы, кремня, можжевельника и меда”. Черт-те что, а не вино.

Машин на набережных Роны стало меньше; в темноте на горизонте виднелись два гигантских, ярко освещенных современных здания, одно из которых имело форму карандаша, другое – ластика. Наверное, это квартал Лион-Пар-Дьё. В любом случае в этом зрелище было что-то зловещее. Ему казалось, что между домами парят светящиеся призраки – наподобие, скажем, всполохов северного сияния, только какого-то болезненного оттенка; зеленовато-лиловые, они извивались словно саван, словно злые божества, явившиеся по душу его отца, подумал Поль, ему становилось все тревожнее, на несколько секунд он отключился, он видел, как шевелятся губы Сесиль, но не слышал ее слов, потом все вернулось, она говорила о лионской гастрономической кухне, она всегда обожала готовить. Официант принес *комплименты от шефа*.

– Я завтра уеду, – сказал он. – Не думаю, что мне есть смысл оставаться.

– Да, действительно, от тебя мало толку.

Он аж подскочил от негодования. Это еще что такое? Неужто она воображает, что в ее присутствии здесь толку больше? Он собрался уже произнести язвительную отповедь, как вдруг понял, о чем она. Да, она считала, что от нее тут будет гораздо больше толку, чем от него. Она будет молиться, неустанно молиться, чтобы отец вышел из комы; иными словами, она полагала, что ее молитвы окажутся более результативными, если она прочтет их у постели больного; ну да, магическое мышление, или религиозное мышление, если между ними есть какая-то разница, следует собственной логике. Поль внезапно вспомнил “Бардо Тхёдол”, читанную в юности под влиянием подружки-буддистки, которая умела сжимать в себе его член, никто ему раньше так не делал, в ее религии пизда называлась *йони*, какая прелесть, думал он; кроме того, ее *йони* была непривычно сладкой на вкус. Ее комната, украшенная красочными мандалами, выглядела очень празднично; еще там висела картина, которая произвела на него огромное впечатление, он до сих пор ее помнил. В центре был изображен Будда Шакьямуни, сидящий по-турецки на поляне, под одиноким деревом просветления. Вокруг него, куда ни глянь, на кромке леса толпились звери джунглей: тигры, олени, шимпанзе, змеи, слоны, буйволы... Они не спускали глаз с Будды, с тревогой ожидая результата его медитации, они смутно сознавали, что то, что сейчас происходит в центре поляны, имеет вселенское, космическое значение. Если Будда Шакьямуни достигнет про-

светления, думали они, то не только он сам и не только человечество освободится от сансары, но поголовно все существа смогут, вослед ему, покинуть царство видимости и тоже достичь просветления.

Пока он — успешно — сдавал вступительные экзамены в ЭНА, Катрин поступала в ветеринарные школы; она все сдала с первой попытки, но ее баллов не хватало для обучения в школе Мезон-Альфора, и ей пришлось удовлетвориться Тулузой. Их разлука причинила ему настоящую душевную боль, ему впервые было грустно при мысли о том, что его отношения с девушкой скоро закончатся. Конечно, время от времени она могла бы приезжать в Париж, а он — навещать ее в Тулузе, — заверяли они друг друга, хоть особо и не обольщались, и, само собой, вскоре у нее кто-то появился. Она была довольно хорошенькой, покладистой и веселой и обожала трахаться; ну а как иначе? Через некоторое время он переспал с другой буддисткой, из Института политических исследований на сей раз, но ее буддизм оказался более заумным, скорее дзен-буддизмом, их отношения резко оборвались сразу после того, как она пожаловалась, что вечерок у нее выдался “полная жесь”: только она попыталась погрузиться в медитацию, точнее, принялась декламировать “Сутру о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы”, как ее прервал жуткий шум на лестничной площадке. Подойдя к входной двери, она прильнула к глазку и увидела незнакомого человека: съездившись на полу, он истекал кровью, его тело со-

трясалось в конвульсиях. Она ничего не сделала, даже полицию не вызвала, просто пошла обратно и села по-турецки на коврик, “чтобы не прерывать медитацию”. Такой краткий, впроброс, рассказ о важных вещах сразу же воздвиг между ними невидимый ментальный барьер, но она, судя по всему, вообще его не ощутила, ей и в голову не пришло, что своими словами она могла вызвать у него отвращение. Поль тут же свалил под каким-то предлогом и больше не отвечал на ее звонки. Так что их плотские отношения свелись к одному-единственному половому акту, да и то он не поразил его воображение, девушка хоть и была, конечно, секс-бомбой, зато не умела его сжимать, да и фелляции ее оставляли желать лучшего, в то время как Катрин предавалась этому занятию с прилежанием и энтузиазмом, нет, решительно, тибетский буддизм во всех отношениях лучше, чем дзен. Для тибетских буддистов момент смерти это последний шанс освободиться от круговорота перерождений и смертей, от сансарического существования. В Лионе совсем стемнело. Он помнил, что ламы начинали свои декламации с обращения к умирающему, а то и к умершему: “Благородный сын, не отвлекаясь, внемли этому наставлению”, они считали, что с душой покойника можно еще общаться в течение нескольких недель после кончины.

– Папа не умирает, – упрямо заявила его сестра.

Он уже пять минут сидел молча, погружившись в воспоминания, но она, похоже, следила за ходом его мысли.

– Да, я знаю, ты говорила, что просила Бога... – сказал он без особого пиетета, хотя совершенно не хотел обидеть ее. – Ты хочешь его соборовать? – попробовал он подлизаться.

– Со времен Второго Ватиканского собора это называется “помазанием больных”, – терпеливо ответила она. – При этом больной должен быть в сознании, и ему самому следует попросить о помазании, навязывать его никому нельзя.

Что ж, он снова встрял некстати. Если он собирается возобновить общение с Сесиль, не вредно будет навести справки обо всех этих католических штучках. Рядом с его домом есть церковь, насколько он помнил, Рождества Богоматери в Берси или что-то в этом духе. У них-то уж точно найдется что почитать о католицизме.

– Не бойся меня обидеть... – мягко сказала она, – мы, католики, ко всему привычные. – Может, она и впрямь читала его мысли? – Я тоже завтра уеду, – добавила она, – но сначала отвезу Мадлен в Сен-Жозеф, думаю, ей лучше не входить одной в дом. Ну и потом, мне надо кое-что проверить перед тем, как мы переберемся, на той неделе я вернусь вместе с Эрве.

– С Эрве? То есть как с Эрве? Он же работает?

– Нет. – Она смущенно отвела глаза. – Я тебе ничего не говорила, но ведь мы правда редко видимся. – В ее тоне не слышалось укоризны, она просто-напросто констатировала факт. – Эрве уже год как безработный.

Безработный? Как нотариус может быть безработным? Он

вдруг вспомнил, что Эрве, даром что нотариус, происходит не из богатой семьи, как раз наоборот. Он был родом из Валансьена или Денена, ну, в общем, одного из этих северных городов, где люди поколениями сидят без работы; когда они познакомились и Поль спросил, чем занимаются его родители, тот ответил “они безработные” таким тоном, будто это само собой разумелось.

– Пока его фирма не обанкротилась, он был нотариусом высшей, четвертой категории, – сказала Сесиль. – Найти работу в наших краях непросто, учитывая ужасный кризис в сфере недвижимости, все сделки застыли на мертвой точке. А недвижимость – это хлеб для нотариусов.

– И... как дела? Вы справляетесь?

– Пока ему выплачивают пособие, да, но это долго не протянется. Потом мне придется что-то искать. Но, как тебе известно, у меня нет высшего образования; я никогда даже не работала толком. Кроме готовки и уборки, я ничего и не умею.

С этой минуты Поль весь вечер не мог избавиться от чувства неловкости при мысли о восьми тысячах евро, которые он получал ежемесячно, и то это далеко не заоблачная зарплата, принимая во внимание его университетское образование и послужной список, но избавиться от чувства неловкости он все равно не мог. Он сам выбрал себе работу и жену, которые сделали его несчастным, – впрочем, так ли уж сам? Жену, да, несомненно, в известной мере, да и работу

тоже, в известной мере, – но у него хотя бы не возникало проблем с деньгами. В сущности, они с Сесиль пошли диаметрально противоположными путями, и их судьбы, с мучительным детерминизмом, присущим судьбе как таковой, тоже сложились диаметрально противоположным образом.

С профессиональной точки зрения дела у него шли, честно говоря, не так уж плохо, с тех пор как он познакомился с Брюно. Брюно – счастливый случай, единственный счастливый случай в его жизни; всего остального он добился в состязании и борьбе. Боролся ли он за Прюданс? Очень может быть – он тщетно пытался вспомнить; по прошествии стольких лет это звучало очень странно.

– А что твои дочки? Вам удастся оплачивать их учебу?

По какой-то непонятной причине тема племянниц представлялась ему более легкой, не столь чреватой драматическими подробностями – просто потому, возможно, что они моложе.

Дебора не пошла учиться, сообщила ему сестра. То есть вся в мать и тоже не интеллектуалка, по любимому выражению Сесиль; она кое-как перебивалась, обычно подрабатывала официанткой, на данный момент – в пиццерии. И пусть это были временные договоры, она не жаловалась, клиенты ценили ее за улыбчивость и расторопность, да и работодатели тоже, так что ей не составляло труда найти очередное место.

А вот Анн-Лиз – совсем другой коленкор, она писала

в Сорбонне докторскую о французских писателях-декадентах, в частности об Элемире Бурже и Юге Ребелле. Сесиль сообщила об этом со странной гордостью, хотя явно ничего не знала об упомянутых авторах, удивительно все же, что родители испытывают гордость при мысли о том, что их дети получают образование, даже если – особенно если – ничего не смыслят в предмете их штудий, какое прекрасное человеческое чувство, подумал Поль. Кроме того, Анн-Лиз училась в Сорбонне – Париж IV, на самом престижном филологическом факультете. Это Сесиль усвоила. Анн-Лиз ни о чем их не просила, отказалась от финансовой помощи, а между тем аренда жилья в Париже обходилась дорого, но она нашла работу в каком-то издательстве и обрела финансовую независимость.

Его племянница уже шесть лет живет в Париже, а они так ни разу и не увиделись, вдруг отчетливо осознал Поль. Это была его вина, полностью его вина, он сам должен был связаться с ней, вне всяких сомнений. С другой стороны, где им встречаться? Дома, учитывая состояние его отношений с Прюданс, не очень удобно – таковы нежелательные последствия супружеских передраг, обоим супругам слишком стыдно выставлять напоказ жалкое и банальное зрелище семейного разлада, поэтому постепенно у них пропадает всякое желание приглашать гостей, и все социальные связи рано или поздно сходят на нет. У каждого из них теперь своя спальня и ванная комната. Гостиная, *общесемейное про-*

странство, с широким панорамным окном, выходящим на парк, понемногу превратилась в *no man's land*, нейтральную полосу, куда не ступает нога человека. Единственным местом общего пользования была кухня; последним совместным предметом обстановки – холодильник. И как прикажете объяснять все это Анн-Лиз?

Его малосольную норвежскую треску еще не убрали, а официант уже принес десерт – пустяковый недочет в безупречном до сих пор обслуживании. Но Поль не пожелал спустить его на тормозах; на извинения официанта он ответил полуснисходительной улыбкой богатого человека – богатого человека, который готов простить, но простить *в первый и последний раз*.

Как Поль и надеялся, вопрос о дочках Сесиль мгновенно разрядил атмосферу, ведь, в сущности, у молодежи не бывает настоящих проблем, проблем нешуточных, считается, что уж у молодежи-то все устаканится. Что же касается безработного пятидесятилетнего мужчины, то никто не верит, что ему удастся найти работу. Впрочем, все делают вид, что верят, и консультанты в Центре занятости умудряются блестяще изобразить оптимизм, им за это деньги платят, наверняка они посещают даже театральные курсы, а то и мастерские клоунады, в последние годы наметился значительный прогресс в оказании психологической помощи безработным. А вот уровень безработицы, напротив, не снизился, что было одной из редких неудач Брюно на посту министра; ему уда-

лось его стабилизировать, не более того. Французская экономика снова стала мощной и экспортной, а уровень производительности труда взмыл до умопомрачительных показателей, неквалифицированные рабочие места почти полностью исчезли.

– Хочешь поехать со мной в Сен-Жозеф? – спросила Сесиль, прервав его размышления в пользу бедных, все равно он никак не мог повлиять на безработицу во Франции, как и на будущее своей семейной жизни, да и на кому отца тоже. “Что я могу сделать?” Вроде бы Кант где-то задавал этот вопрос. Нет, скорее “Что я должен делать?”, он не помнил точно. Собственно, чем эти вопросы отличаются, может, и ничем. Сен-Жозеф-ан-Божоле был настоящим домом его детства, отец приезжал туда каждые выходные, они проводили там все каникулы.

– Ехать туда без папы я как-то пока не готов, – ответил он, ну вот, пожалуйста, он тоже теперь говорит “папа”, наверное потому, что так приятно впадать в детство, не исключено, что все на самом деле только этого и хотят. Сесиль кивнула, сказала, что понимает. Если честно, она не совсем понимала, дело в том, что в данный момент он не смог бы вынести общество Мадлен, от нее исходила волна жгучей, невыносимой боли, нужен хоть какой-нибудь бог, чтобы принять такие муки. Он, правда, сомневался, что Мадлен верит в Бога в католическом смысле слова, видимо, она верила в некую организирующую силу, способную направить или сломать челове-

скую жизнь, короче, в нечто, в принципе не слишком обнадеживающее, скорее сродни греческой трагедии, чем евангельскому посланию. Но она верила в Сесиль, ей чудилось, что Сесиль с Богом накоротке и силой молитвы способна склонить божество на нужную сторону. Да он и сам, как ни удивительно, начинал воспринимать свою сестру приблизительно так же.

Интересно, о чем мог думать в эти минуты его отец, лежащий на больничной койке в нескольких сотнях метров отсюда, на другом берегу реки? Пациенты в коме лишены цикла бодрствование-сон, но непонятно, видят ли они сны. Никто этого толком не знает, и все врачи, с которыми его сведет судьба, подтвердят, что в данном случае мы имеем дело с недоступным ментальным континентом.

Сесиль снова прервала ход его мыслей, которые все больше затуманивались.

– Я уеду завтра поездом в семнадцать двенадцать. У меня будет три четверти часа, чтобы добраться до Северного вокзала. Хочешь, поедем вместе?

Вот вопрос. Даже два вопроса. Да, за сорок пять минут она спокойно доберется от Лионского вокзала до Северного. Да, он поедет с ней. До пяти побродит по Лиону. Он смутно помнил, что по Лиону можно побродить, по набережным Соны или еще где-нибудь.

Вопреки ожиданиям, прогулка по Лиону оказалась почти приятной. На набережных Соны, гораздо менее оживленных, чем набережные Роны, машин практически не было. На противоположном берегу возвышались лесистые холмы, среди них тут и там виднелись старые постройки, относящиеся, вероятно, к началу двадцатого века, в том числе коттеджи и даже несколько особняков. Они выглядели довольно гармонично, и, главное, от них веяло покоем. К сожалению, нельзя не отметить, что в наши дни приятен только пейзаж, который не подвергался вмешательству человека на протяжении по крайней мере столетия. Тут, по-видимому, имело бы смысл сделать выводы политического характера – но, учитывая занимаемую им должность в самом сердце госаппарата, ему предпочтительнее от них воздержаться.

Похоже, ему вообще предпочтительнее воздерживаться от размышлений. Смерть матери, восемь лет назад, стала для него очень жестоким и странным событием в жизни. Сюзанна упала со строительных лесов во время реставрации ангелов, украшающих башню амьенского собора. Она забыла затянуть монтажный пояс; ей оставалось полгода до выхода на пенсию. Ужас и внезапность этого удара словно заморозили его, он не припоминал, чтобы сильно горевал тогда, скорее впал в ступор. Но сейчас по отношению к отцу он испытывал

совсем другие эмоции: шагая по набережным Соны, которые постепенно окутывала легкая дымка, он чувствовал, как в нем растет спокойное, безграничное отчаяние при мысли о том, что на сей раз он и правда вступает в последний период своей жизни, в ее заключительную фазу, и что в следующий раз придет его черед или черед Сесиль, но, надо полагать, все-таки его.

Тут он сообразил, что они ни словом не обмолвились об Орельене вчера вечером, даже имени его не произнесли. Ему вообще сказали, что случилось? Судя по всему, нет, Мадлен никогда с ним толком не общалась. Ну и кто возьмет это на себя? Разумеется, Сесиль; когда предстояло справиться с какой-нибудь душевно сложной задачей, ее автоматически взваливали на Сесиль. “Как на католичку...” – лениво подумал он, садясь на скамейку, и это была его последняя связная мысль, за ней наступил довольно долгий перерыв. От реки поднялся туман и сгустился вокруг него, он ничего не видел на расстоянии нескольких метров.

Роскошный комфортабельный автобус мчится по шоссе сквозь пустынный пейзаж с плоскими белыми скалами, редкими зарослями колючих кустарников и суккулентов, наверняка это какой-нибудь штат американского Запада, вроде Аризоны или, возможно, Невады, да и автобус, похоже, “Грейхаунд”. В середине салона сидит высокий суровый брюнет с каким-то сатанинским лицом. Он сидит рядом с другим пассажиром, они, вероятно, знакомы, хотя как знать;

в любом случае этот другой пассажир все равно не вмешается, поскольку брюнет олицетворяет Зло и все попутчики знают (и Поль тоже знает, как и они), что в любой момент брюнет может встать и ни с того ни с сего прикончить одного из них; они также знают, что никому из них не удастся оказать ему сопротивление, да у них и мысли такой даже не возникнет.

И вот брюнет встает, направляется к старику, сидящему в передней части автобуса, недалеко от водителя. Старик дрожит, его ужас очевиден, но ему и в голову не приходит сопротивляться. Брюнет встает, силой тащит старика к двери, приводит в действие открывающий механизм и выталкивает его в пустоту. Потом он на мгновение пригибается, чтобы понаблюдать за процессом раздавливания и обезображивания тела, а также за причудливыми формами, образованными брызгами крови на иссохшей земле. После чего возвращается на свое место, и они продолжают путешествие. Поль понимает тогда, что оно не прервется до самого конца, как и внезапные повторяющиеся действия высокого брюнета.

И сразу после этого, прямо перед тем как проснуться на скамейке, он понимает также, что брюнет олицетворяет еще и Бога, в силу чего его решения правильны и обжалованию не подлежат. Вечерело, воздух стал прохладнее, это его, вероятно, и разбудило; вот спасибо, а то уже полпятого, самое время ехать на вокзал. Сесиль не стала долго ломаться и согласилась, чтобы он поменял ей билет на первый класс, а

что касается Орельена, то она сама о нем первая заговорила. Орельен никогда не был близок с отцом, а с матерью да, даже чересчур близок, и, глядя на нее, он и выучился на реставратора произведений искусства, глядя на нее, окончил Школу Конде с дипломом “реставратора и хранителя культурных ценностей”, более того, оба они выбрали один и тот же исторический период, конец Средневековья – начало Возрождения, с той лишь разницей, что их мать специализировалась на скульптуре, а он – на гобеленах. Пойдя по стопам матери, выбрав почти такую же профессию, как она, Орельен с завидным постоянством отторгал, пусть вяло, неявно – а иногда и явно – карьеру отца, построенную на служении государству и безоговорочной, по-военному четкой приверженности изменчивым и порой невнятным интересам французской разведки.

Отец ведь, в сущности, никогда не хотел третьего ребенка, этого третьего, родившегося через несколько лет после первых двух, ему в некотором роде навязали, он никогда не входил в его планы, а отец, надо заметить, всегда любил придерживаться намеченного плана. Супружеская пара чаще всего формируется вокруг некоего проекта, за исключением случаев, когда они просто безумно влюблены и их единственный план – вечное созерцание друг друга и взаимное одаривание нежными знаками внимания, пока смерть не разлучит их, есть такие люди, Поль о них слышал, но его родители не принадлежали к их числу, так что, скорее всего, им

пришлось совместно выработать некий план, двое детей – это классика жанра, прямо архетип классики жанра, будь у них с Пруданс дети, они бы не дошли до такого, хотя вообще-то дошли бы, как раз напротив, они, возможно, давно бы уже расстались, сейчас детей недостаточно, чтобы спасти брак, они, пожалуй, только ускоряют его распад, к тому же, когда их отношения стали ухудшаться, они еще даже не успели задуматься о детях. Что касается его родителей, то у них был еще один дополнительный план – дом в Сен-Жозефе. Отец хорошо знал эти места, в детстве он проводил там идилические каникулы у дяди-винодела. Он приобрел еще в 1976 году, вскоре после свадьбы, несколько заброшенных строений неподалеку от Сен-Жозеф-ан-Божоле, в коммуне Вилье-Моргон.

Там стояли рядом три дома разных размеров, принадлежавшие трем братьям, и еще конюшня и большой амбар. Все вместе взятое отец купил по смешной цене; стены и крыша были в порядке, все остальное пришлось перестраивать. Он посвящал этому свои выходные и отпуск в течение десяти следующих лет, сам чертил планы, не имея никакого архитектурного образования, и выполнял своими руками значительную часть плотницких и столярных работ. Именно он придумал зимний сад – застекленную галерею, ведущую из главного дома в их детский домик. Мать тоже увлеклась этим проектом, в силу своей профессии она знала лучших мастеров всех художественных ремесел, и этот дом постепенно

занял очень важное место в их существовании, став самым осязаемым и, вероятно, самым долговечным проявлением жизнеспособности их супружества. Результат превзошел все ожидания: в этом доме они с Сесиль прожили несколько лет нереального и острого детского счастья. Окно его комнаты выходило на северо-запад, на холмы, луга, леса и виноградники, осенью пылавшие пурпуром и золотом до зеленеющих отвесных склонов Авенаса.

То время для него безвозвратно закончилось, он больше никогда не испытает такого счастья, оно просто не входит в перечень оставшихся возможностей. А вот Сесиль случилось переживать – и не исключено, что до сих пор случается – подобные мгновения счастья, у нее есть дети, она сама стала ребенком, предав душу в руки Божии, как принято выражаться у католиков. Ему нужно, совершенно необходимо было верить, что она счастлива.

Он смотрел на нее, такую спокойную, тихую, она же не отрывала глаз от пейзажа, мелькавшего за окном поезда в последних проблесках дневного света. Электронное информационное табло сообщило, что в данный момент они едут со скоростью 313 км/ч, на нем также указывалось их географическое положение, и он вдруг с нервной дрожью осознал, что в эту самую минуту, когда он все это вспоминал, они находились чуть южнее Макона, в нескольких километрах от дома в Сен-Жозефе.

Спустя долгое, очень долгое время Сесиль перевела

взгляд на него – поезд приближался к станции Ларош-Мижен, двигаясь со скоростью 327 км/ч.

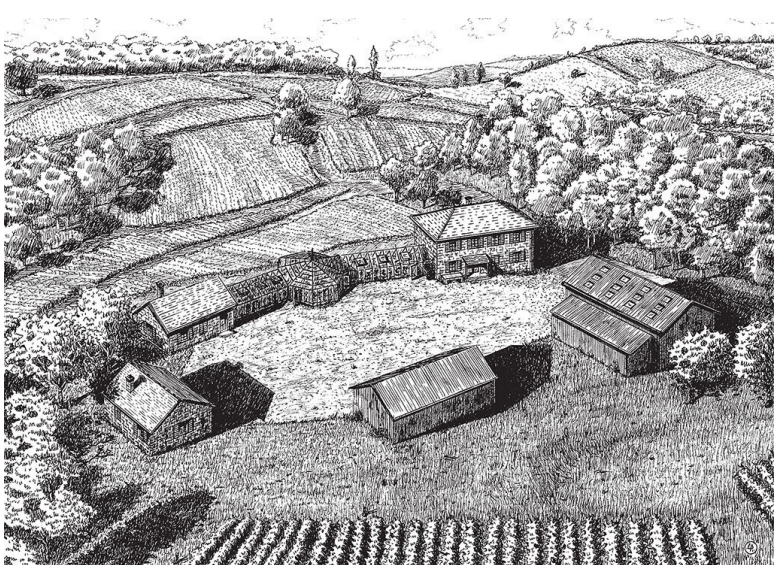
– Я не спросила, как у тебя дела с Прюданс... – осторожно сказала она.

– И правильно сделала. Правильно сделала, что не спросила.

– Так я и думала. Мне жаль, Поль. Ты заслуживаешь счастья.

Откуда она все это знала, откуда она знала жизнь, она, вечная однолюбка, с чудесной прозорливостью выбравшая в мужья образчик неподкупности, верности и добродетели? Возможно, подумал Поль, жизнь на самом деле совсем несложная штука, тут и знать-то особо ничего не надо, а просто плыть по воле волн.

Они почти не разговаривали до самого Парижа. Ход событий теперь предопределен. Максимум через неделю Сесиль вернется с Эрве, и они поселятся в Сен-Жозефе. Им, прежде всего, придется успокоить Мадлен, попытаться наполнить смыслом ее жизнь, чтобы она не путалась весь день под ногами санитарок в больнице Сен-Люк. А потом им останется только ждать, ждать и молиться. Может ли молитва стать совместным ритуалом супругов? Или она в обязательном порядке предполагает личное общение с Богом, один на один?

© Louis Paillard

Они наспех, но крепко обнялись, и Сесиль спустилась в метро, ей надо будет пересесть на Бастилии и доехать потом по прямой до Северного вокзала.

Открыв дверь в квартиру, он с изумлением услышал пение китов, доносящееся из общесемейного пространства, и понял, что Приуданс наверняка уже вернулась и в эту самую минуту находится дома, у нее все по расписанию. А вот он свое расписание нарушил; с тех пор как он начал работать в аппарате министра, у него появилась привычка вставать поздно; около полудня он отправлялся на службу, пересекая прогулочным шагом парк Берси – в конечном итоге он чуть ли не полюбил этот парк с его дурацкими овощными уголками, – а потом сад имени Ицхака Рабина. Дойдя до места, он обычно съедал на обед тарелку копченой рыбы – у них своя собственная кухня, не общеминистерская, и превосходный шеф, но днем Поль предпочитал ограничиваться копченой рыбой. И только потом уже встречался с Брюно, впервые за день.

Тот появлялся в офисе очень рано, в семь утра, и с тех пор, как переехал в служебную квартиру, засиживался там до глубокой ночи – зато никогда не назначал встреч до полудня, посвящая это время текущей работе. Должно быть, завидев у себя на столе грудку папок, его дневной рацион, он потирал руки от удовольствия по примеру своего далекого предшественника Кольбера – так гласит легенда, во всяком случае. Они обедали с Полем вдвоем – Брюно был большой

любитель пищи, — обсуждая встречи, назначенные на вторую половину дня и вечер, равно как и возможные загвоздки.

Поль, как правило, приходил домой под утро, между часом и тремя, Прюданс поднималась к себе задолго до его возвращения. Иногда он смотрел перед сном документальные фильмы о животных; мастурбировать он совсем перестал. Вообще-то прошло уже несколько месяцев — да нет, почти год, с ужасом подумал он, — как он даже не пересекался с женой, впрочем, все последние годы, если они и пересекались, то редко и ненадолго. Будучи представителями класса привилегированных специалистов с очень высокими доходами, они и не помышляли о нарушении общепринятых правил, им было крайне важно, чтобы их союз шел ко дну цивилизованно, в оптимальных условиях. Тем не менее, заслышав пение китов, он чуть было не ретировался, не сбежал в отель на одну ночь. Но усталость взяла свое, и он распахнул дверь в гостиную.

Прюданс вздрогнула, увидев его, у нее тоже явно нервы сдали. Так, теперь главное — не мешкать и с ходу разрядить обстановку, поэтому он поспешил сказать, что у отца инсульт, он лежит в коме в лионской больнице, чем и объясняется его появление в столь неурочный час, но уже с завтрашнего дня все войдет в колею, такое больше не повторится. Она даже не отреагировала на его заверения; как ни странно, ему показалось, что она пожалела его, лицо ее сморщи-

лось под воздействием чего-то похожего на печаль или, по крайней мере, на озабоченность. Ну и само собой, это что-то испарилось в мгновение ока, но все же оно совершенно точно промелькнуло. Затем она произнесла какие-то более банальные слова, что он должен располагать собой, как ему удобнее, не обращать на нее внимания и т. д. Кстати, ей тоже уже под пятьдесят, интересно, а у нее что с родителями? Классические буржуазные старики-леваки, всю жизнь проработавшие в госсекторе – в сфере высшего образования, в судебном ведомстве, – и наверняка любители утренних пробежек, они, скорее всего, пребывали в отличной форме. Он всегда недолюбливал родителей Прюданс, ну, отец еще куда ни шло, а вот мать – чистый ужас. Есть ведь какая-то старая поговорка, народная мудрость, что-то вроде: “Хочешь выбрать жену – посмотри на тещу”; но дело в том, что в нужный момент он отважно не внял предупреждению. Прюданс, судя по всему, – кто бы мог подумать – обеспокоилась судьбой Эдуара, притом что восемь лет назад довольно безразлично отнеслась к смерти Сюанны. “В сущности, ты весь в отца”, – сказала она ему однажды. Связаны ли как-то эти два обстоятельства между собой? Может ли тот факт, что она встревожилась, узнав об отце, означать, что она все еще испытывает что-то к нему самому? От таких мыслей голова шла кругом; да и без того, уезжая из Лиона вчера вечером, он чувствовал, что вступил в полосу полнейшей неопределенности. Неужели только вчера? Ему казалось, что все нача-

лось гораздо раньше и было куда серьезнее, он не просто попал в некую неопределенную, но строго ограниченную полосу своей жизни, а решительно все в его жизни стало неопределенным, начиная с него самого, как будто его постепенно вытеснял некий непонятный двойник, который тайно сопровождал его уже многие годы, а может быть, и всегда.

Так или иначе, он счел, что разумнее пока на этом с Прюданс остановиться, и объявил, сославшись на усталость, вполне объяснимую совершенным путешествием и переживаниями, что идет к себе. Прюданс улыбнулась, она отнеслась к его уходу с надлежащими спокойствием и благодушием, хотя все же ее замешательство выдавали машинальные движения руки, описывавшей в воздухе мелкие окружности, словно ей хотелось, закрутив в эфире картезианские вихри, создать между ними поле притяжения, аналогичное, возможно, полю гравитации. Однако уже давно было доказано, что эфира и картезианских вихрей не существует, это больше не вызывает ни малейших сомнений у научного сообщества, несмотря на отчаянную попытку Фонтенеля, опубликовавшего в 1752 году “Теорию картезианских вихрей и размышления о притяжении”, но этот труд не вызвал никакого отклика.

Уж лучше бы она ему задницу показала, ну сиськи на худой конец, ошибочно полагать, что откровенный сексуальный запрос оскверняет чистоту горя, часто случается как раз обратное, происходит физическая реакция организма,

изнуренного горем, напуганного перспективой стать окончательно непригодным для выполнения простейших биологических функций, так что он, напротив, жаждет воссоединиться хоть с какой-нибудь формой жизни, и чем она проще, тем лучше. Но все это, наверное, не про Прюданс, ее воспитание пошло иным путем, что весьма прискорбно, поскольку им-то надо бы как раз ловить момент.

Когда на следующее утро он появился в офисе, Брюно не стал ходить вокруг да около и прямо спросил, каковы шансы его отца на выживание; Поль объяснил ситуацию, как мог. Потом Брюно спросил, есть ли кому с ним сидеть, тогда он рассказал ему про Мадлен, Брюно впал в задумчивость, взгляд его затуманился и, казалось, блуждал в каком-то неясном пространстве; Поль начал привыкать к этой способности Брюно углубляться внезапно в размышления общего характера, в эти мгновения его привычный способ рассуждения, отличавшийся точностью и прагматичностью, уступал место теоретическим умозаключениям.

– Ты говорил, твой отец родился в 1952 году, да? – наконец спросил Брюно. Поль кивнул. – То есть он типичный *беби-бумер*... И правда, создается впечатление, – продолжал он, – что люди этого поколения не только энергичнее, активнее, креативнее нас и вообще талантливее во всех отношениях, но и приспосабливаются к жизни лучше, чем мы, со всех точек зрения, matrimониальной в том числе. Даже разведясь – а они, конечно, уже тогда разводились, гораздо реже, чем мы, но все-таки разводились – и будучи даже в преклонном возрасте на момент развода, они умудряются снова себе кого-нибудь найти. У нас, я думаю, будет все сложнее. А уж у следующего поколения и подавно. Вот взять, например,

моих сыновей, один из них гомосексуал — ну... гомосексуал в теории, на практике, мне кажется, у него никого нет, ни постоянного партнера, ни проходного, он скорее асексуал с гомосексуальным уклоном. Что касается второго, то я не знаю, по-моему, он вообще ни то ни се и никогда ничем не был, я просто забываю порой о его существовании. Мы хотя бы пытались жить семейной жизнью; довольно часто у нас ничего не получалось, но мы пытались.

Поскольку Брюно, не особо даже скрывая, наняли именно для того, чтобы Франция вновь вступила в Славное тридцатилетие, не было ничего удивительного в том, что его буквально завораживала психология *бумеров*, отличавшаяся от психологии его сверстников оптимизмом и дерзостью, отличавшаяся так сильно, что с трудом верилось, что их разделяет всего одно поколение. Отец Брюно, насколько знал Поль, был чиновником чуть выше среднего уровня и в этом смысле нетипичным *бумером*. Классические бумеры, бумеры хрестоматийные, создатели и магнаты промышленности, чьему возрождению во Франции он надеялся поспособствовать, ему никогда не попадались, да и вообще они почти все уже поумирали; поумирали и легендарные бляди семидесятых с волосатыми лобками, сойдя в могилу вслед за ними, образно говоря. В матримониальном плане Полю уж точно нечего было противопоставить нарисованной им унылой картине; он взял еще один кусок копченого угря, и остаток дня прошел относительно спокойно. Важнейшим пунктом в зав-

трашной повестке был обед с профсоюзными активистами. Идея ежемесячных обедов в Берси с основными профсоюзными лидерами Франции принадлежала ему; такие “неформальные” встречи не предполагали никакой конкретной программы, но позволяли им “измерить среднюю температуру по стране”. Попытка купить благосклонность синдикалистов при помощи “зайца по-королевски” и “жареных голубей конфи” и подходящих к ним породистых вин может показаться примитивной затеей, даже тупой, но факт остается фактом: пятилетний срок президента прошел в атмосфере небывалого социального согласия, а число забастовочных дней не падало до такой низкой отметки с первых дней Пятой республики, притом что количество служащих, занятых в государственном секторе, медленно, но верно сокращалось до такой степени, что некоторые сельские районы с точки зрения коммунального и медицинского обслуживания скатились до уровня какой-нибудь африканской страны.

Новость грянула в начале седьмого, в 18.25 Поль получил мейл от пресс-секретарши министра. В сети только что появилось новое сообщение; оно начиналось, как обычно, с композиции схематично начерченных пятиугольников и кругов, но композиция всякий раз была другой, варьировалась, в частности, число кругов. Ее сопровождал текст, состоящий из уже привычных символов, но на сей раз он оказался значительно длиннее – предыдущие послания состоя-

ли из четырех-пяти строк, в этом было около двадцати.

Кликнув в любом месте открывшегося окна, пользователь запускал видео. Бурный серый океан. Камера медленно наезжает на корабль, гигантский контейнеровоз, стремительно и с невероятной легкостью рассекающий волны. На палубе пусто, экипаж словно испарился. Внезапно, без видимых причин, огромное судно поднимается над поверхностью океана и ухает вниз, расколовшись пополам. И минуты не прошло, как обе половины полностью затонули.

Сделано, как всегда, безупречно, подумал Поль, в реальность происходящего нельзя не поверить. Через пару минут он позвонил Дутремон. Тот, само собой, уже занимался этим, но пока ничего не мог сказать; он обещал перезвонить, как только что-нибудь узнает, пусть даже в ночи.

Он позвонил в восемь утра, Поль прослушал сообщение, когда проснулся. Дутремон предпочел особо не распространяться по телефону и предложил встретиться в министерстве во второй половине дня; он придет с одним из своих начальников из ГУВБ.

Он пришел ровно в два в сопровождении комиссара Мартена-Рено; это был человек лет пятидесяти с коротким седым ежиком и, похоже, военной выправкой – он чем-то напомнил Полю отца.

– Вы шеф IT-подразделения?

– Не совсем, я руковожу ГУВБ. Дело в том, что много лет назад мне довелось работать с вашим отцом. Я узнал, что с

ним случилось, и очень ему сочувствую, отчасти этим и объясняется мое присутствие здесь, но сначала давайте поговорим о сегодняшних новостях. — Он повернулся к Дутремону.

— Некоторые характеристики нового сообщения, — сказал Дутремон, — отличают его от предыдущих. Во-первых, это касается способа распространения: на сей раз его выложили почти на сотне ресурсов, по всему миру — в том числе в Китае, чего раньше никогда не случалось. Но главное, предыдущие видео построены на спецэффектах — пусть и блестяще сделанных, но спецэффектах. На этот раз у нас возникли серьезные сомнения.

— Вы имеете в виду, что корабль действительно потопили?

— Его регистрационный номер прекрасно виден в кадре, нам не составило труда его идентифицировать. Это контейнеровоз последнего поколения, построенный на шанхайских верфях. Судно длиной чуть более четырехсот метров способно перевозить до двадцати трех тысяч стандартных контейнеров, то есть около двухсот двадцати тысяч тонн груза. Оно ходило по маршруту Шанхай — Роттердам и было зафрахтовано *CGA-CGM*, четвертой в мире по величине судовой транспортной компанией по перевозке грузов, это французский оператор. Естественно, мы попросили их сообщить нам, не приключилось ли чего с каким-нибудь из их кораблей. Они обязаны нам ответить; пока что не ответили. Мы предполагаем, что они захотят избежать огласки и потребуют от нас соответствующих гарантий.

– Мы отнюдь не уверены, что сможем выполнить их просьбу, – вмешался Мартен-Рено. – Они, судя по всему, считают, что мы в любой ситуации контролируем прессу и решаем, что публиковать, а что нет; это далеко не так. Утечки могут произойти самыми разными способами, и мы их никак не контролируем, тем более что в этом ролике есть один любопытный момент: на борту никого не видно, ни одного члена экипажа – все выглядит так, будто их предупредили о теракте и они успели покинуть корабль. Если это так, то рано или поздно они неизбежно появятся – и их не удастся заткнуть.

– Полагаю, судно такого размера нелегко потопить. Для этого ведь понадобились бы военные ресурсы?

– В определенной степени. Пусковую торпедную установку трудно найти на рынке, зато ее можно смонтировать на обычном корабле. Здесь используется метод дислокации: прямого контакта между торпедой и кораблем не происходит, она взрывается на глубине нескольких метров. Восходящий столб воды, врываясь в газовый пузырь, образовавшийся в результате взрыва, разрезает корабль пополам; тут даже нет необходимости в сверхмощной торпедой. Так что нет, значительные средства задействовать им не пришлось; с другой стороны, наведение и оценка времени должны быть сверхточными, что требует серьезных навыков в расчетах баллистики.

– Кто мог это сделать? – Он задал этот вопрос спонтанно,

почти произвольно; на этот раз Мартен-Рено откровенно усмехнулся.

– Нам самим не терпится это узнать, понятное дело. – Он переглянулся с Дутремоном. – Никто из известных нашим службам людей, во всяком случае. С самых первых сообщений мы пребываем в полной неизвестности. А на этот раз последствия могут быть весьма серьезными. Китайскому руководству не составит труда обезопасить перевозки товаров, производимых его предприятиями, но если к каждому контейнеровозу понадобится приставить эсминец, никаких средств не хватит. Кроме того, морская страховка взвинтит цены.

– То есть это нанесет ущерб мировой торговле? – Этот вопрос задал Дутремон; Полю ответ был очевиден, и глава ГУВБ сформулировал его предельно просто:

– Если кто-то захочет навредить мировой торговле, то лучше способа не найти.

Сама собой напрашивалась мысль об определенных группах активистов, скорее крайне левых, но крайне левые активисты, хоть и доказали свое умение испоганить любую протестную акцию, пока еще все-таки не продемонстрировали никаких военных навыков, да и с финансами у них не очень, а торпедная установка – дорогое удовольствие, независимо от того, как бы они взялись ее добывать.

Мартен-Рено помолчал.

– Я хотел увидаться с вами еще по одному делу... – ска-

зал он наконец. — У вашего отца остались кое-какие важные документы.

Поль удивился: документы? Но ведь он же на пенсии.

— Да, конечно, но когда занимаешь такой пост, на пенсию окончательно уйти нельзя, — заметил Мартен-Рено. — Документы эти не то чтоб прямо документы, ну, трудно объяснить. Можете почитать их, — продолжал он, — но вы мало что поймете. Да-да, можете, никакого грифа секретности на них нет, — прибавил он, — именно поэтому, собственно, мы не принимаем никаких мер предосторожности, чтобы их не украли: вряд ли кому-нибудь удастся почерпнуть из них какую-то информацию.

В общем, он имеет в виду не столько некие досье, сколько подборку странных фактов и сведений, связь между которыми установил только отец Поля; при этом они не дают никаких серьезных оснований, чтобы начать расследование или установить наблюдение. Это, скажем так, что-то вроде головоломки, над которыми он иногда бился годами, угадывая в них угрозу безопасности государства, но не умел при этом определить ее характер.

— У него в кабинете в Сен-Жозефе, я там однажды побывал, — сказал он, — хранится несколько картонных папок. Вот мы и хотели бы, на случай, если произойдет несчастье, ну, на случай неблагоприятного исхода, попросить вас передать нам эти папки.

Сначала Поль подумал, что Мартен-Рено намеренно избе-

гает слова “смерть”, чтобы не сделать ему больно, но, взглянув на комиссара, понял, что тот правда растерян и встревожен.

– Я очень любил вашего отца, – подтвердил он. – Не скажу, что он был моим наставником, хотя он работал со многими другими начинающими агентами моего поколения, но я многому у него научился.

Поль никогда ничего толком не понимал в профессиональной деятельности отца; помнил только, что время от времени ему звонили на защищенный смартфон “Теорем” – иногда посреди обеда или ужина, – и он немедленно выходил из комнаты, прежде чем ответить. Он никогда не рассказывал им потом, о чем шла речь, но явно был чем-то озабочен, и, как правило, его не отпускало до конца дня. Озабочен и молчалив. Да, профессиональная деятельность этого человека неизбежно ассоциировалась со словом *озабоченность*, это все, что он мог сказать по его поводу.

Естественно, он согласился.

– У меня тоже будет к вам одна просьба... – добавил он. – Люди, ответственные за кибератаки – и теперь за теракт, – располагают, очевидно, значительными ресурсами, но все-таки эти ресурсы не безграничны.

Он знает, что в прошлом предпринимались попытки удалить эти сообщения, но они вскоре появлялись на других ресурсах, а иногда и на том же самом. Теперь, когда накопилось много сообщений, они, возможно, будут уделять мень-

ше внимания самым первым. Видео с отрубанием головы глубоко задело министра. Он по-прежнему из-за него переживает; нельзя ли как-то подумать о том, чтобы его истребить раз и навсегда?

Мартен-Рено с готовностью кивнул:

– Мне кажется, ваши соображения вполне обоснованны... Да, мы займемся этим сразу по возвращении.

К тому моменту, когда встреча закончилась, уже смеркалось; какая жуть этот декабрьский сумеречный свет, подумал Поль; вот уж правда, идеальное время для смерти.

На следующий день объявился экипаж. Судно потопили в районе Ла-Коруњи, у самой границы испанских территориальных вод; Поль с удивлением узнал, что этими гигантскими кораблями управляет экипаж человек из десяти. Их допрос мало что дал властям: кто-то связался с ними по радио и, разумеется, не представился. Они выпустили первую торпеду, задев корму, просто показали, что не шутят, а затем дали им десять минут, чтобы покинуть корабль.

Поначалу журналисты с предельным вниманием отнеслись к этому событию – теракт такого типа совершался впервые, – но потом, поскольку никаких новых сведений не поступало, интерес быстро иссяк. О встрече с Мартеном-Рено Поль вкратце рассказал Брюно и изумился, как невозможно тот воспринял происходящее. Его и раньше озадачивало относительное безразличие, с которым Брюно отнесся к первым кибератакам, за исключением той, что касалась его непосредственно. Притом что последствия для финансовых операций оказались довольно разрушительными – всеобщая неуверенность в безопасности интернета затронула биржи, и они вернулись в эпоху телефона и факса, скакнув лет на сорок назад; но Брюно всегда испытывал некоторое презрение к финансовому капитализму. На самом деле нельзя выдумать деньги из ничего, считал он, в один прекрасный

день разница станет очевидной, без обращения к производству реальных товаров в конечном итоге будет не обойтись, и фактически система материального производства продолжает работать более или менее неизменно, даже когда замедляется финансовый оборот. На этот раз, однако, пострадала реальная экономика; но, по правде говоря, пусть этот аргумент и нельзя озвучить публично, ограничения, наложенные на китайскую внешнюю торговлю, оказались для Франции не такой уж плохой новостью. С самого начала Брюно не играл в эти игры; он вел свою игру.

И еще Поль чувствовал, что Брюно переполняют тревоги иного рода, непосредственно связанные с политикой. Ситуация, в общем-то, не прояснилась: Брюно не только не объявил о выдвижении своей кандидатуры, но и отказался делать какие-либо заявления по этому поводу, повторяя всякий раз, что “еще не время”. У него не было ни одного серьезного конкурента в партии президента: гипотеза о кандидатуре нынешнего премьер-министра иногда мелькала в прессе, но ее тут же отметали: получив этот пост в самом начале пятилетнего мандата президента, он всегда был лишь марионеткой в его руках. С самого начала и до конца президент прислушивался только к Брюно, он один в окружении главы государства имел достаточный авторитет, чтобы влиять на политику страны.

Недавно, откуда ни возьмись, появился новый соперник.

Бенжамен Сарфати, он же Бен, а то и Биг Бен, пришел с самого дна телевизионного энтертейнмента. Он сделал карьеру на *TF1*, начав с ведущего программы для подростков, явно вдохновленной телесериалом “Чудаки”, с той только разницей, что предлагаемые испытания были больше связаны с унижением участников, чем с опасностью для их жизни: спустить штаны, блевать и пердеть – вот из чего складывалась его программа, благодаря которой впервые в истории канал *TF1* возглавил рейтинги в подростковом и молодежном сегменте.

Продвигаясь по служебной лестнице, он свято хранил верность каналу и не избежал всеобщей дрюкеризации – телевизионного эквивалента джентрификации городских кварталов, – кульминацией чего явилось приглашение на прощальную передачу Мишеля Дрюкера¹² в день его восьмидесятилетия, ставшую одним из самых знаменательных событий на телевидении двадцатых годов этого века. Через еженедельные, а затем и ежедневные ток-шоу Сарфати прошли ведущие политики и лучшие умы страны – труднее всего оказалось уговорить Стефана Берна¹³, он боялся, что пенсионеры, из которых состоит его аудитория, будут обескуражены; но он тоже в конце концов сдался, и это был звездный час в карьере Сарфати, к тому же ему подфартило – прак-

---

¹² *Мишель Дрюкер* – популярный журналист, ведущий развлекательных программ на французском телевидении.

¹³ *Стефан Берна* – французский журналист, радио- и телеведущий.

тически одновременно *сошел с дистанции* Сирил Хануна¹⁴. У Поля вылетело из головы, обвиняли ли последнего в эксгибиционизме, сексуальном домогательстве или даже в изнасиловании, так или иначе, он был уже *сбитым летчиком*, он-то считал, что у него есть надежная поддержка в профессиональной среде, но увы, в итоге он исчез с экрана и из умов еще быстрее, чем появился, никто и не вспоминал уже, что когда-то работал или вообще пересекался с ним. “Буиг отомстил Боллоре”¹⁵, – скупой прокомментировал Брюно это событие.

Никогда слишком явно не подыгрывая партии президента – что несовместимо с этикой ведущего, – Бенжамен Сарфати исподволь сообщал о своих политических симпатиях хотя бы тем, что выбирал самых невзрачных оппонентов – а в них не было недостатка, – когда надо было столкнуть с кем-то в эфире важного члена правительства. Таким образом, он постепенно начал сближаться с самыми доверенными кругами внутри власти. Ему предстояло сделать еще очень многое, прежде чем его можно будет рассматривать как кандидата на пост президента, но он работал над этим, никто уже этого не оспаривал. Решающим моментом стала, безусловно, его встреча с Солен Синьяль, президентом политтехнологической фирмы “Слияния”, которая с тех пор занималась его

---

¹⁴ *Сирил Хануна* – французский радио- и телеведущий, писатель, колумнист.

¹⁵ *Буиг, Боллоре* – владельцы крупнейших медиагрупп, конкурирующие друг с другом.

пиаром.

В отличие от большинства своих конкурентов, Солен сомневалась в необходимости получить важную площадку в интернете. Интернет, любила она повторять, имеет только два назначения: скачивать порно и безнаказанно оскорблять ближнего; в сущности, в сети самовыражаются лишь немногочисленные, особо злобные и вульгарные граждане. Но все же интернет считается своего рода обязательным элементом с точки зрения построения легенды, необходимым компонентом сторис, но, по ее мнению, достаточно, и даже предпочтительно, просто создать ощущение, что человек популярен в сети, даже если это часто не имеет никакого отношения к действительности. Ведь можно, ничем не рискуя, похвастаться сотнями тысяч, если не миллионами просмотров, проверить это все равно не получится.

Настоящим прорывом Солен стал второй этап, следующий обычно сразу же за работой в интернете и постепенно ставший под ее влиянием обязательным в создании современных сторис для всех пиар-агентств, а именно этап селебов-посредников (перспективных актрис, многообещающих певцов). Их функция в средствах массовой информации, к которым они имели доступ – как правило хайповым, но иногда и к тяжелой артиллерии, – заключалась в том, чтобы неустанно транслировать один и тот же месседж по поводу кандидата: о его человечности, его близости к народу и эмпатии – а еще о его патриотичности, основательности,

приверженности республиканским ценностям. Этот этап, самый важный, по ее словам, оказался и самым долгим и, безусловно, гораздо более затратным с точки зрения времени и личного участия, ведь с селебами-посредниками надо встречаться, говорить с ними, потакать их эго, столь же раздутому, сколь и жалкому. В этом отношении Бенжамен был в шоколаде – благодаря своей телевизионной раскрученности и немыслимому рейтингу его программы, он стал незаменимым собеседником селебов. Они могли позволить себе максимум легкие разногласия с ним, а вот ссориться с Бенжаменом – нет, для селебов это не вариант.

На третьем этапе, на третьей ступени ракеты, Солен не привнесла никаких новшеств, ее контакты были точно такими же, что и у всех ее конкурентов. Она знала тех же сенаторов, тех же начальников аппарата, тех же журналистов из *ведущих ежедневных изданий*; она рассчитывала увеличить разрыв как раз на втором этапе (а некоторое время назад Бенжамен Сарфати явно перешел на третий); Солен, конечно, влетала в копеечку, но ее компания была еще молода, и она не могла позволить себе совсем уж зависить цены.

Несмотря на то что Сарфати становился все более серьезным кандидатом, он тоже пока еще не заявил о себе; после праздников все так или иначе определится.

После той случайной встречи Поль и Прюданс взяли в привычку видаться раз в неделю – обычно в воскресенье

после обеда. Общение по-прежнему давалось им нелегко и в основном оставалось вербальным, ничего больше дружеского поцелуя они ни разу себе не позволили, но и просто поболтать – это уже неслыханное достижение, отметил про себя Поль, они и думать о таком забыли. Прюданс говорила почти исключительно о своей работе – она, как и прежде, служила в Казначейском управлении. Прошел месяц, а Поль так толком не узнал, с кем она дружит и чем занимается в свободное время. В ней вроде бы появилось что-то новое – какое-то смирение, печаль, что ли, теперь она говорила тягучим, чуть ли не старушечьим голосом; зато физически почти не изменилась.

Еще она регулярно справлялась о его отце – в конце концов, именно это их и сблизило. Поль пытался держать ее в курсе дела – правда, с тех пор он в Лион не возвращался, но часто звонил Сесиль, которая переехала в Сен-Жозеф. Пока что отец из комы не вышел, ситуация была стабильной. Сесиль, однако, вовсе не отчаивалась – и, судя по всему, безгранично верила в силу молитвы.

Однажды в субботу, в середине декабря, Поль отправился в церковь Рождества Богородицы в Берси, на площадь Лашамбоди, в пяти минутах ходьбы от дома. Эта крохотная церквушка, построенная, вероятно, в девятнадцатом веке, несуразно смотрится в их модернистском, а то и постмодернистском квартале. В нескольких метрах от нее проходит

Юго-Восточная железная дорога, тут проезжают высокоскоростные поезда на Макон и Лион, и он наверняка уже сто раз проезжал мимо этой церкви, даже не подозревая о ее существовании. Из обнаруженного у входа проспекта он узнал чуть больше: церковь Нотр-Дам-де-Бон-Секур была построена в 1677 году, разрушена в 1821-м и лежала практически в руинах, пока в 1823-м ее не начали восстанавливать. Во время Парижской коммуны ее снова разрушили, потом, чуть позже, построили точно такую же. Затем ее затопило во время разлива Сены в 1910 году, в апреле 1944-го она пострадала от бомбардировок железнодорожных путей и была частично уничтожена пожаром в 1982 году. Короче говоря, эта церковь настрадалась на своем веку, да и сейчас не то чтобы процветала, в этот субботний день тут не было ни души, и возникало ощущение, что это ее обычное состояние. Чтобы наглядно представить себе злоклучения христианства в Западной Европе, лучшей иллюстрации, чем церковь Рождества Богородицы в Берси, и не придумаешь.

Двадцать пятое декабря пришлось на пятницу, поэтому Поль мог провести в Сен-Жозефе целых три дня. Прюданс уехала в прошлую субботу, он не знал, куда именно, вероятно, в Бретань, в загородный дом родителей, который, если ему не изменяла память, из загородного уже превратился в основной, они перебрались туда окончательно несколько лет назад, когда ее отец вышел на пенсию. Проходя через общее семейное пространство – теперь, надо заметить, оно вполне заслуживало своего названия, поскольку тут, собственно, и имели место их воскресные послеобеденные беседы, – он увидел на буфете разноцветный красочный листок и вспомнил, что буфет Людовика XVI в свое время приобрела Прюданс, она души в нем не чаяла, он достался ей “даром”, считала она, эта женщина была способна приходить в восторг в определенные моменты по определенному поводу. Листок оказался приглашением на саббат Йоль в Гретц-Арменвилье 21 декабря. Его украшала фотография юных девушек, облаченных в длинные белые платья, с венками из живых цветов на голове, они резвились на залитом солнцем лугу, принимая прерафаэлитские позы. Чем-то это напоминало мягкое порно семидесятых; что за бред? Во что еще ввязалась Прюданс?

Впрочем, последовательность эзотерических символов

чуть ниже гарантировала, видимо, серьезность мероприятия. А краткое пояснение, предназначенное, похоже, для нерадивых адептов, напоминало, что саббат Йоль традиционно ассоциируется с надеждой и возрождением после смерти прошлого. Если уж на то пошло, это вполне соответствовало их семейной ситуации. Во всяком случае, вряд ли это уж прямо жесткая секта, скорее какие-то женские штучки с экстрактом эфирных масел. Он успокоился, положил приглашение обратно на буфет и отправился на вокзал.

Он провел беспокойную ночь и поэтому заснул через несколько секунд после того, как занял свое место в вагоне первого класса – подголовник на кресле пришелся очень кстати, да и пассажиров почти не было. Он стоял посреди зеленого луга – трава выглядела так, будто ее подстригли ножницами, и ослепительно зеленела в лучах солнца под идеальным голубым небом, оттененным парой облаков, облаков не страшных, облаков декоративных, которые ни разу за все время своего облачного существования даже не собирались пролиться дождем. Интуитивно он понимал, что находится в Южной Баварии, неподалеку от австрийской границы – горы, запирающие горизонт, были, несомненно, Альпы. Вокруг него стояло человек десять пожилых мужчин, они производили впечатление мудрецов. При этом они были одеты в классические костюмы – костюмы офисных работников, – но их офисная работа, он мгновенно понял это, всего лишь прикрыtie, на самом деле они носители высше-

го знания. Все единодушно признали, что Поль Резон подготовку прошел и к полету готов. Тогда он побежал вниз по склону, не отрывая взгляда от горных хребтов, обозначающих горизонт на юге, но это продолжалось всего несколько секунд или несколько десятков секунд, уж точно меньше минуты, и вдруг, совершенно не собираясь ничего такого делать и вовсе не ожидая этого, он очутился в воздухе, метрах в двадцати над землей. Затем он медленно замахал руками, чтобы удержать равновесие, и завис. Эти якобы офисные работники, а на самом деле мэтры, преподававшие ему искусство полета, собрались внизу, прямо под ним, и комментировали его первый взлет, на их взгляд похвальный во всех отношениях. Успокоившись, Поль предпринял первую попытку переместиться в воздухе – то есть просто произвел несколько гребков брассом, меняя направление поворотом рук, как будто и правда плыл, хотя и, естественно, в менее плотной среде. Он потренировался пару минут и смог сделать несколько кувырков и даже робких петель, а потом поднялся еще немного, набрав как нечего делать стометровую высоту. Двигаясь вперед плавным брассом, Поль направился к горной гряде; никогда он не был так счастлив.

Когда он очнулся, поезд проезжал Шалон-сюр-Сон; он мчался со скоростью 321 км/ч. Его телефон издавал слабое, но настойчивое гнусавое жужжание: девятнадцать пропущенных звонков. Он попытался прослушать сообщения,

но не было сети. Плакатики на стене настойчиво рекомендовали ему звонить в тамбуре “из уважения к другим пассажирам”. Он вышел в тамбур, но там сети тоже не было. Пройдя через два таких же пустых вагона, он оказался в буфетном отсеке. Он позаботился о том, чтобы в салонах подвижного состава иметь при себе проездной документ, а бонусной карты у него отродясь не было; работник буфетного отсека по имени Джордан выдал ему креативный бургер от Поля Констана, салат из киноа и полбы и 175-граммовую бутылочку кот-дю-рон “Традисьон”. На случай необходимости в его распоряжении тут имелся дефибриллятор, но сети все равно не было; поезд прибывал на вокзал Макон-Лоше через двадцать три минуты.

Несет ли он ответственность за этот мир? В определенной степени да, ведь он служит в госаппарате, однако этот мир ему не нравился. Он не сомневался, что и Брюно стало бы не по себе от этих креативных бургеров, дзен-кабин, где во время пути можно заказать массаж шейно-воротниковой зоны под щебет птиц, от причудливых багажных наклеек “для контроля безопасности”, короче, от общего направления, которое принял ход вещей, от этой натужно-развлекательной атмосферы, а в действительности чуть ли не фашистской стандартизации жизни, постепенно отравившей каждый закуток повседневного существования. Но при этом Брюно все же нес ответственность за миропорядок, и в гораздо большей степени, чем он сам. Фраза Раймона Арона

о том, что люди “не знают той истории, которую творят”, всегда казалась ему бессодержательным *бонмо*, если это все, что Арон имел сказать, то лучше бы уж он молчал. Во всем этом чувствовалось нечто гораздо более мрачное, а очевидное расхождение между намерениями политиков и реальными последствиями их действий представлялось ему нездоровым и даже зловредным, общество не может и впредь функционировать на этой основе, думал Поль.

Незадолго до прибытия в Макон туман рассеялся, и великолепное солнце осветило окрестный пейзаж, луга, леса и виноградники, припорошенные инеем. Выйдя из вагона, он тут же увидел Сесиль, она пробежала несколько разделявших их метров и со слезами на глазах бросилась ему в объятия. В жизни человека есть много причин для слез, и ей потребовалась почти минута, чтобы выговорить наконец:

– Папа проснулся! Сегодня утром папа вышел из комы!.. – И она снова разрыдалась.

Два

1

Эрве курил, поджидая их у машины. Он долго жал Полю руку и, судя по всему, был рад встрече. Люди меня любят, с удивлением подумал Поль; вернее, ценят, не стоит преувеличивать. Эрве любил его сестру и старался как мог ценить и, да, в некотором смысле даже любить шурина, назначенного ему судьбой; и он в этом преуспел, подумал Поль, обнаружив в нем некие свойства, достойные уважения и даже любви. Что не соответствует никакой объективной реальности, подумал следом Поль, и является лишь результатом стороннего взгляда, а точнее, доброты Эрве, позволяющей ему замечать вокруг себя, куда ни глянь, сплошь достойных уважения личностей и полагать, что люди в большинстве своем *хорошие люди*.

За то время, что они не виделись, он сильно сдал: живот вырос, волос поубавилось, вот оно, классическое старение, но безработица вроде не слишком на нем отразилась, мелькнула у Поля дурацкая мысль. А чего он, собственно, ожидал? Что у него рожки вырастут? Он отнюдь не производил впечатление человека, коротающего ночи в тревожных раз-

думьях о бесплодных поисках работы; безработица, считал он, широко распространенное, естественное состояние человека уже на протяжении многих поколений, в некотором роде смирившихся с ним как с приговором судьбы. Благодаря многотрудной учебе ему удалось избежать этого на некоторое время, но потом судьба настигла его.

А главное, он был женат.

– Поехали, дусик? – спросила Сесиль, открывая правую переднюю дверцу.

Дусик?.. Неужели правда, что в любящих глазах человек не меняется, даже физически, что любящие глаза способны свести на нет обычные законы восприятия? Неужели правда, что первый образ человека, запечатлевшийся в любящих глазах, будет вечно накладываться на то, во что он превратится со временем? Когда они въезжали на трассу А6, Поль вспомнил, как ходил на церемонию приведения к присяге Эрве лет двадцать тому назад. Там собралось полтора десятка кандидатов в диковинных костюмах восемнадцатого века – черные кюлоты, белые чулки, что-то типа редингота и бикорн. Церемония проходила в бывшем Дворце правосудия в Париже и прекрасно вписывалась в декорации. Судья говорил, что им надлежит честно исполнять свои обязанности, “в соответствии с законом и совестью”, что-то в этом роде. Эрве, услышав свою фамилию, торжественно произнес “клянусь”, волнующее было зрелище. После чего он получил личную печать и вместе с ней – право заверять нотариальные

акты; как тут не испытать определенную гордость, особенно сыну рабочего.

Все-таки ему необходимо найти работу, подумал Поль, они просто обязаны в конце концов найти работу, либо он, либо Сесиль. Похоже, Эрве не позволял себе неоправданных трат – его “дача-дастер” в хорошем состоянии, но это всего-навсего “дача-дастер”. Зимнее солнце сияло все ярче, потоки света заливали салон автомобиля; плавно повернув, они въехали на пологий склон холма, и Полю почудилось, что он окунулся в сноп света. Он сидел сзади, рядом с Мадлен. Сначала они расцеловались два раза, такая у них сложилась привычка, они уже приноровились. Затем на протяжении километров десяти – примерно до Сен-Семфориен-д’Ансель – он соображал, о чем бы таким с ней поговорить, но вскоре пришел к заключению, что, вероятно, ему лучше помолчать, что Мадлен любит тишину, что в данный момент она очень счастлива и любые слова только приглушат ее безграничную радость. Тут он представил себе более отчетливо, хоть и мимолетно, каковы были отношения Мадлен с его отцом, чем для отца стало это мирное, почти животное присутствие Мадлен подле него, – и в тот же миг осознал, что все еще не может думать о нем иначе как в прошедшем времени.

Словно уловив мгновенно его мрачные мысли, Сесиль поспешила нарушить молчание и принялась рассказывать, как провела этот богатый событиями день. Приехав в Париж

из Арраса, она как раз перебиралась с вокзала на вокзал, чтобы пересесть на лионский поезд, когда раздался звонок из больницы – это произошло на станции метро “Жак Бонсержан”, уточнила она. Отец вышел из комы, это единственное, что ей удалось понять. Она все утро пыталась дозвониться до больницы, но ей не везло, сеть то и дело пропадала, и разговоры обрывались до обидного быстро, к тому же она практически ничего не слышала и, только добравшись до Лиона, смогла наконец разобраться, что к чему. Выход из комы – событие непредсказуемое и внезапное и к тому же принимает самые разные формы. Иногда человек просто умирает. А бывает и так, что он полностью восстанавливается и возвращается к нормальной жизни, так что его выписывают чуть ли не на следующий день. Существуют и промежуточные варианты, как, например, в случае с отцом Поля, когда восстанавливаются лишь некоторые функции организма, и число их невелико. Отец открыл глаза, что считается главным критерием выхода из комы; он также в состоянии нормально дышать; но его парализовало, он не может ни говорить, ни контролировать отправление естественных надобностей. Такое состояние врачи называли раньше “вегетативным”, но большинство из них теперь отвергают этот термин, опасаясь, что он ассоциируется с распространенной метафорой, уподобляющей пациента овощу, и что это просто семантическая уловка, заранее оправдывающая эвтаназию; они предпочитают использовать понятие “пробуждения при отсутствии ре-

активности и осознания”, кстати, более точное: у пациента восстанавливается функция восприятия окружающего мира, но не взаимодействия с ним.

Они уже проезжали пригороды Лиона; пробки на дорогах грозили затянуться до бесконечности. Эрве вел машину спокойно, казалось, в это утро ничто не способно вывести его из себя. На небе не было ни облачка, даже туман рассеялся.

Когда они припарковались на больничной стоянке, Мадлен повернулась к нему.

– Вам лучше побыть с ним наедине, – сказала она.

Старший сын – это важно, считала она, этим нельзя пренебрегать, она, вероятно, уже никогда не сможет относиться к нему иначе как с робким уважением.

– Сесиль, пошли со мной! – позвал Поль сестру неожиданно для самого себя отчаянным, почти умоляющим тоном. Только теперь он понял, что боится.

Отца успели уже перевести в другую палату, более того, на другой этаж, это первое, что узнал Поль, зайдя на рецепцию больничного комплекса.

– Обычное дело, ему же теперь не нужна реанимация, – сказала Сесиль. – Я говорила утром с главврачом. Ее сейчас нет, ей пришлось уйти сегодня пораньше, но она примет нас в понедельник, у нее не будет отпуска между Рождеством и Новым годом. Сможешь приехать в понедельник?

Поль понятия не имел, разберемся, ответил он, сейчас это не самое главное. Скорее всего да, тут же подумал он: с понедельника 28-го по четверг 31-е продлится очередная четырехдневная рабочая неделя, так называемое перемирие кондитеров¹⁶. Брюно, несомненно, засядет в офисе, он не припоминал, чтобы Брюно вообще когда-либо брал отпуск, но никаких встреч у него не назначено, так что Поль ему не понадобится, он предпочтет в одиночестве корпеть над бумагами, и будет ему счастье. Работа отвлекает, подумал Поль. Медсестра, за которой они шли по коридору, шагала быстро, не пройдет и минуты, как он снова увидится с отцом, его сердце билось все сильнее, волна ужаса накрыла его, и уже у самых дверей палаты у него чуть ноги не подкосились.

---

¹⁶ *Перемирие кондитеров* – так во Франции называют неделю между Рождеством и Новым годом, когда приостанавливается вся политическая деятельность.

Он поразился произошедшим переменам: Эдуар полусидел в постели, опираясь на две подушки. Из его горла уже не торчала трубка, убрали и шумный аппарат. Не было больше ни капельницы, ни электродов, прикрепленных к черепу. Перед ним снова был его отец, с серьезным, даже строгим лицом, а главное, широко открыв глаза, он пристально смотрел прямо перед собой неподвижным немигающим взглядом.

– Естественная вентиляция легких возобновилась, он уже не нуждается в ИВЛ. Именно этот аппарат обычно так впечатляет родственников, – заметила медсестра.

Застыв на месте, Поль вглядывался в глаза отца.

– Он видит? – спросил он наконец. – Слышит и видит?

– Да, но не может ни двигаться, ни говорить, он полностью парализован, восстановились только его зрительные и слуховые функции. Однако нельзя с уверенностью сказать, способен ли он интерпретировать то, что слышит и видит, и соотносить это с чем-то ему известным, будь то понятия или воспоминания.

– Ну нас-то он помнит, разумеется! – категорически перебила ее Сесиль.

– Как правило, пациенты в вегетативном состоянии больше реагируют на знакомые голоса, чем на лица, – не моргнув глазом продолжала медсестра. – Поэтому с ним надо разговаривать, не стесняйтесь с ним разговаривать.

– Здравствуй, папа, – сказал Поль, а Сесиль как ни в чем

не бывало погладила отца по руке. Поль задумался на мгновение и спросил: – Долго он будет в таком состоянии?

– Чего не знаем, того не знаем, – ответила медсестра с каким-то даже удовлетворением, она давно ждала этого вопроса, обычно родственники задают его сразу, и тот факт, что Сесиль так и не затронула эту тему, тревожил ее. – Мы провели все необходимые обследования: КТ, МРТ, ПЭТ-сканирование и, разумеется, сделали электроэнцефалограмму, и это еще не конец, но в настоящее время не существует метода, который позволяет с уверенностью предсказать эволюцию пациента в вегетативном состоянии. Он через несколько дней может прийти в нормальное сознание или остаться таким до конца жизни.

– Конечно, он к нам вернется, но это займет больше чем несколько дней, – вмешалась Сесиль. Она говорила с невероятным апломбом, как будто получала информацию напрямую от сверхъестественных сил; мистические закидоны его сестры определенно приобрели иной размах, подумал Поль. Он покосился на медсестру, но она, судя по ее виду, даже не рассердилась, только рот открыла от изумления.

Отца, по крайней мере, вся эта суeta вокруг явно не занимала. Его взгляд, устремленный в неопределенную точку пространства, и глаза, которые видели, но не могли ничего выразить, производили бесконечно тревожное впечатление, казалось, он впал в состояние чистого восприятия, отключился от лабиринта эмоций, но Поль подумал, что это, ко-

нечно, не так, отец наверняка сохранил способность испытывать эмоции, даже если лишился возможности их выразить, но все же трудно представить себе боль или радость, которые нельзя проявить мимикой, стоном, улыбкой или жалобами. Медсестра, преисполнившись самых добрых намерений, жаждала, похоже, сообщить все имеющиеся в ее распоряжении медицинские сведения. Она несколько раз предусмотрительно напомнила, что правильнее им будет обратиться за подтверждением к главврачу, но она и сама явно была в теме. Да, у его отца определенно присутствует мозговая деятельность, сказала она Полю. На электроэнцефалограмме отчетливо заметны дельта-волны, типичные для сна без сновидений или глубокой медитации, а также тета-волны, указывающие скорее на сомнолентность, дважды возникли даже альфа-волны, что очень обнадеживает. То есть налицо чередование сна и бодрствования, хотя смена этих состояний происходит гораздо быстрее, чем у здорового человека, и не следует обычному никтемеральному ритму; неизвестно, видит ли он сны.

В этот самый момент отец закрыл глаза.

– Вот, пожалуйста... – удовлетворенно сказала медсестра, как будто он прекрасно справлялся с ролью пациента. – Он заснул, и это продлится несколько минут, максимум час. Возможно, ваше присутствие, встреча с вами утомили его.

– Так вы считаете, он узнал меня?

– Ну конечно узнал, тебе ж сказали! – нетерпеливо встря-

ла Сесиль. – И правда, пусть передохнет сегодня. Кроме того, мне надо домой, готовить ужин.

– Уже?

– Сегодня сочельник. Ты забыл?

Да, он совсем забыл, что сегодня сочельник. Технические термины, которыми сыпала медсестра, взгляд отца, мгновенно вызвавший у него ассоциацию со взглядом призрака, как он себе его представлял – взгляд, вобравший в себя жизнь и смерть, земной и потусторонний одновременно, невозможность понять что-либо наверняка про его психическое состояние, – все это повергло его в невообразимое смятение, ему казалось, что он попал в какой-то телесериал о паранормальных явлениях. До Вилье-Моргона, сверкавшего праздничной иллюминацией, они добрались уже затемно и свернули на D18 в направлении перевала Фю-д’Авенас.

Эрве припарковался у главного дома. Под звездным небом он выглядел еще массивнее и внушительнее, чем в его воспоминаниях.

– Я забыла тебе сказать... – начала Сесиль, выходя из машины. – Ну, если, конечно, ты сможешь побыть тут до конца той недели. Мы ждем в гости Орельена, он должен приехать тридцать первого.

– С женой?

– Да, с Инди. И с их сыном. – Она запнулась на последнем слове, ей явно никак не удавалось смириться с его существованием. – Думаю поселить его в детской Орельена, – продолжала она. – Тогда тебе достанется синяя комната для

друзей, а я в зеленой. Разве что ты предпочтешь ночевать в маленьком домике.

– Да, предпочту.

– Так я и знала. Вообще-то я уже тебе там постелила и включила отопление.

Интересно, что она так и знала, хотя он сам совершенно об этом не думал. За последние годы он несколько раз навещал отца, но предпочитал спать в гостевой комнате; он даже не заглядывал в комнату, в которой жил сначала ребенком, потом подростком, последние двадцать пять лет нога его туда не ступала. И вот теперь ему захотелось вернуться во времена своего детства, наверное, это плохой знак, наверное, так бывает с теми, кто начинает подозревать, что жизнь не удалась.

– Хочешь прямо сейчас туда пойти? – спросила Сесиль. – Я займусь готовкой, потом мы пойдем к мессе и поедим, уже когда вернемся. У тебя есть целых два часа на отдых, а то и больше, если захочешь.

– Нет, я лучше посижу в гостиной.

На самом деле ему надо было выпить, и не один стакан. Бар был все на том же месте, там стояли “Гленморанджи”, “Талискер” и “Лагавулин”, то есть и качество бара не снизилось. После третьего “Талискера” Поль решил, что для полуночной службы он слишком пьян; с другой стороны, оно и лучше. Сесиль уже целый час торчала на кухне, и гостиную постепенно наполняли разнообразные приятные арома-

ты; он узнал запах лаврового листа и лука-шалота.

Может, стоит разжечь огонь, он счел, что это уместная идея для рождественского вечера, у камина лежали поленья и хворост. Пока он озадаченно изучал поле битвы, пытаясь оживить воспоминания о том, как когда-то при нем разжигали огонь, в комнату вошел Эрве, и очень кстати. После стакана “Гленморанджи”, предложенного Полем, он, как и следовало ожидать, весьма умело и споро взялся за решение проблемы, так что через несколько минут в камине взмыло вверх яркое пламя.

– А, вы развели огонь, прекрасно, – сказала Сесиль, входя в гостиную. – Нам пора.

– Уже?

– Да, я ошиблась, в этом году все начнется на полчаса раньше, в десять.

Надев пальто, Поль задумался на мгновение, где может быть сейчас Прюданс; саббат Йоль уже наверняка закончился. Сесиль не задала ему ни единого вопроса о его семейной жизни, да и Эрве не задаст; Брюно так и останется единственным человеком, обсуждавшим с ним эту тему. Супружеские пары, у которых все хорошо, не склонны обычно интересоваться участью пар, у которых все плохо, они, видимо, чего-то опасаются, словно супружеские разногласия разны, и при мысли, что каждая супружеская пара в наши дни неминуемо пребывает на грани развода, впадают в сту-

пор. Этот инстинктивный животный страх, трогательная попытка не сглазить, откреститься от расставания и одинокой смерти сопровождаются парализующим чувством неловкости; так здоровым людям всегда сложно говорить с раковыми больными, сложно найти верный тон.

Его отец был вполне включен в жизнь деревни, он понял это, когда они вошли в церковь, ощутив, как вокруг них воцаряется всеобщее смущение, правда благожелательное, человек двадцать прихожан сдержанно поприветствовали их. Он вдруг вспомнил, что отцовский дом “обезличен”: ГУВБ оплачивало все счета и муниципальные налоги отца, чтобы скрыть его местонахождение. Эта защита полагалась ему и после выхода на пенсию, фактически до самой смерти. Он объяснил это Полю за несколько месяцев до его школьных выпускных экзаменов, предприняв первую и единственную попытку поговорить с сыном о его профессиональном будущем в тщетной надежде, что он пойдет по его стопам. Эта защита показалась ему в церкви Вилье-Моргона, где священник уже вышел на сцену для проведения церемонии – это формулировка невольно промелькнула у него голове, и он тут же пожалел о ней, но ничего не поделаешь, – ужасно нелепой: ведь все жители деревни знали отца и наверняка были в курсе его работы “в спецслужбах”, это добавляло романтики их существованию, но, разумеется, ничего сверх того они не знали, да и он сам, в сущности, знал немногим больше, но ведь при желании достаточно просто порасспро-

сить соседей, чтобы узнать, где он живет. В то же время, возможно, не так уж это и нелепо: опрос соседей – недешевое удовольствие, пришлось бы посылать агентов на место, что, понятное дело, обошлось бы куда дороже услуг хакера средней руки, который взломал бы несколько плохо защищенных аккаунтов, чтобы получить информацию о его счетах за электричество или декларациях муниципальных налогов.

Рождественские ясли удались, деревенские дети потрудились на славу, да и сама церемония, насколько он мог судить, прошла хорошо. В мир Спаситель рожден, Поль был в курсе и – спасибо “Талискеру” – даже умудрялся иногда, особенно слушая песнопения, убедить себя, что это благая весть. Он понимал, какое важное значение Сесиль придает тому факту, что их отец вышел из комы на Рождество, он невольно иронизировал, но на самом деле не имел никакого желания иронизировать. Можно подумать, саббат Йоль, который праздновала Прюданс, несет в себе больше смысла. Пожалуй, даже меньше. Это, наверное, что-то относительно языческое, а то и пантеистическое или политеистическое, он путал эти понятия, короче, нечто муторное, в стиле Спинозы. Ему и одного-то бога трудно было примирить со своим жизненным опытом, а несколько богов – увольте, не смешно, а уж от идеи обожествления природы его и подавно блевать тянуло. Что касается Мадлен, то она полностью перекинулась на сторону Сесиль; ей хотелось вернуть себе любимого человека и зажить с ним прежней жизнью, ее запросы этим

ограничивались; бог Сесиль казался ей всесильным, он уже добился первого результата, так что она безоговорочно встала на сторону бога Сесиль и пламенно причастилась.

Сам он воздержался от причастия, которое, на его взгляд, являло собой оргастический момент хорошо продуманной службы, если он вообще что-то смыслил в их религии и опять же если ему не изменяла память об оргазме. Воздержался он из уважения к вере Сесиль, во всяком случае, он попытался убедить себя в этом.

Ступайте, месса окончена, сказано – сделано, и вскоре все послушно разошлись по домам, радоваться в кругу семьи кто во что горазд.

Выйдя из церкви, он с особой остротой понял, какой его отец пользовался (он произвольно подумал о нем в прошедшем времени, “пользовался”, а следовало бы в настоящем, “пользуется”, да уж, с надеждой у него явно проблемы), – какой его отец пользуется популярностью в деревне. Практически все прихожане, присутствовавшие на мессе, подошли к ним, обращаясь в основном к Мадлен, но и к Сесиль тоже, они, судя по всему, хорошо ее знали, очевидно, она навещала отца почаще, чем он. Оказалось, тут всем известно про его insult и кому; Сесиль еще утром сообщила им, что он очнулся. Это благая весть, и для многих из них рождественский ужин станет теперь еще радостнее, Поль сразу это понял. Ведь всегда неприятно, когда кто-то умирает, посетила его дурацкая мысль, нет, ему определен-

но не удавалось выйти из состояния полного отупения, не отпускаявшего его после посещения больницы.

– Они тут все ужасно милые, – простодушно заметил Эрве, садясь в машину.

– Да, правда, это хороший регион, – задумчиво отозвалась Сесиль. – У нас на Севере люди тоже, в принципе, гостеприимны, но там они так бедны, что рано или поздно отношения портятся.

Разговор за столом неизбежно перекинется на политику, и Поль покорно готовился к этому, он, собственно, и не собирался от него уклоняться, политические дискуссии – неотъемлемая часть семейных трапез с тех пор, как существует политика, да и семья тоже, – словом, довольно давно. Он сам, честно говоря, в детстве не сильно от этой темы страдал, служба в ГУВБ, казалось, выработала у отца устойчивый иммунитет к разговорам о политике, как будто они обязывали его демонстрировать беспрекословную преданность правительству. Отнюдь, он вправе голосовать “как любой другой гражданин”, раздраженно возражал он иногда, и кстати, Поль помнил, что он отпускал весьма резкие замечания в адрес Жискара, Миттерана, а затем и Ширака, покрывших, как ни крути, тридцать с лишним лет политической жизни. Теперь это тогдашнее его осуждение казалось Полю таким яростным, что ему трудно было представить, чтобы отец мог отдать за них свой голос. Интересно, за кого же он голосовал? Очередная загадка, с ним связанная.

Сесиль с мужем голосовали, само собой, за Марин, и уже довольно давно, с тех пор, как она сменила своего отца во главе движения. Сесиль предполагала, что Поль, учитывая, какую должность он занимает, голосует за действующего президента, – и ее предположение, между прочим, было верным, он голосовал за партию президента или за самого президента на всех выборах, ему это виделось “единственным разумным вариантом”, как теперь принято выражаться. Поэтому, чтобы не обидеть его, Сесиль не позволит политической дискуссии зайти слишком далеко, она, как пить дать, уже прочла нотацию Эрве по этому поводу – а Поль знал, что Эрве в молодости участвовал в довольно радикальных движениях типа “Блока идентичности”¹⁷. На самом деле Поль был вовсе не в претензии – живи он в Аррасе, он бы тоже, скорее всего, голосовал за Марин. За пределами Парижа он хорошо знал только Божоле, процветающий регион, – виноделы, вероятно, единственные из французских аграриев, не считая некоторых производителей зерна, умудрялись не просто не балансировать постоянно на грани банкротства, но даже получать некоторую прибыль. Кроме того, по всей долине Соны располагались многочисленные заводы точной механики, а также автосборочные предприятия, у которых дела шли, пожалуй, неплохо, и они с честью противостояли немецким конкурентам – особенно с приходом

---

¹⁷ “Блок идентичности” (Bloc identitaire) – правое националистическое движение во Франции, оформившееся как политическая партия в 2009 г.

Брюно в Министерство экономики. Брюно, совершенно не стесняясь, плевал на свободу конкуренции внутри Европы, шла ли речь о правилах госзакупок или о тарифно-таможенной политике, когда его это устраивало, и в отношении товаров, которые его устраивали, и тут он старался, как и во всем остальном, с самого начала держать себя чистым прагматиком, предоставив президенту расчищать путь и подтверждать при каждом удобном случае свою приверженность интересам Европы, вытягивая губы трубочкой в направлении всех щек всех немецких канцлерш, которые судьба подставляла ему для поцелуя. Все-таки Францию и Германию связывало что-то сексуальное, что-то до странности сексуальное, и уже довольно долгое время.

Сесиль приготовила медальоны из омара, жаркое из кабачка и испекла яблочный пирог. Все было восхитительно вкусно, она действительно потрясюще готовила, пирог у нее получился вообще улетный – тонкое тесто, хрустящее и в то же время нежное, с точно отмеренным сочетанием вкусов растопленного масла и яблок, где только она всему этому научилась? Сердце разрывалось при мысли, что ей, конечно же, придется скоро посвятить себя совсем другим обязанностям, обидно так растрачивать талант, это настоящая драма на всех уровнях – культурном, экономическом, личном. Эрве, похоже, разделял его диагноз; доев яблочный пирог, он принялся мрачно кивать – ему, разумеется, суждено пасть первой жертвой. Однако он тоже не отказался от рюм-

ки “Гран Марнье”, который Мадлен с радостью налила ему, – интересно, куда делась Сесиль? Она исчезла в самый разгар яблочного пирога. “Гран Марнье” – исключительный ликер, незаслуженно забытый; Поль тем не менее удивился такому выбору: если ему не изменяла память, Эрве всегда был поклонником более терпких вкусов, которые дают арманьяк, кальвадос и другие резкие и невразумительные напитки разных регионов. Наверное, Эрве с возрастом приобрел более женственные вкусы, что показалось ему, в общем, хорошей новостью.

Тут появилась Сесиль с пакетиком, перевязанным ленточкой, и положила его перед ним с застенчивой улыбкой:

– Вот тебе рождественский подарок...

Ну естественно, рождественский подарок, все дарят друг другу подарки на Рождество, как он мог забыть? Он, конечно, полный ноль в семейных отношениях и вообще в отношениях с людьми – да и с животными он тоже не очень ладит. Он развязал ленточку и обнаружил очень красивый металлический футляр, сверкавший неброским серебристым блеском; в нем лежала перьевая ручка *Montblanc – Meisterstück* 149, отделанная каким-то особым материалом, вероятно, с напылением розового золота, так это называется.

– Ну что ты... это уж чересчур.

– Это от нас с Мадлен, мы с ней скинулись, так что ее тоже поблагодари.

Он расцеловал их обеих, охваченный странным чувством;

какой прекрасный подарок, подарок непостижимый.

– Я просто вспомнила, – сказала Сесиль, – что когда-то ты переписывал в тетрадь разные фразы, полюбившиеся тебе изречения известных писателей и время от времени зачитывал их мне вслух.

Внезапно и он вспомнил: да, действительно, было дело. Лет с тринадцати и до последнего класса школы он прилежно выводил каллиграфическим почерком эти фразы, часами корпел над ними, тренируясь на отдельных листочках, прежде чем переписать их в специальную тетрадь. Он как сейчас видел ту тетрадь в твердой обложке с арабской мозаикой. Что с ней случилось, вот вопрос. Может, она так и валяется в его детской, только он начисто забыл, что именно тогда записывал. И тут что-то промелькнуло у него в голове, но не совсем фраза, скорее стихотворная строфа, одна-единственная, внезапно всплывшая из глубин памяти:

Что от королевства ныне
Остается при дофине,
Что пока еще при нем?
Орлеан, Божанси,
Нотр-Дам де Клери,
И Вандом,
И Вандом¹⁸.

---

¹⁸ Народные стихи времен Столетней войны с перечислением последних не захваченных Англией владений дофина (будущего короля Франции Карла VII). Перевод И. Кузнецовой.

Он тут же сообразил, что Дэвид Кросби вставил эти слова в свою песню – впрочем, это даже не вполне песня, а странное сочетание вокальных гармоний без ярко выраженной мелодии, а иногда и без слов, Кросби сочинял их в конце своей карьеры.

Поев, они быстро разошлись; Брюно он так и не позвонил. Ладно, теперь уже утром; Поль понятия не имел, что Брюно делает на Рождество. Может, и ничего, Рождество ему наверняка поперек горла. Хотя кто знает, вдруг как раз наоборот, он проводит время с детьми и собирается предпринять самую распоследнюю попытку помириться с женой, так что лучше подождать до двадцать шестого. Ну, он скажет ему, что хочет пробыть в Сен-Жозефе всю неделю.

В легком приятном опьянении он бездумно шагнул по застекленному коридору к своей комнате. Первое, что бросилось ему в глаза, когда он вошел, был постер с изображением Киану Ривза в образе ослепленного Нео из “Матрицы: Революция” с окровавленной повязкой поперек лица, бредущего в каком-то апокалиптическом пейзаже. Поль, что в некотором роде симптоматично, выбрал тогда именно этот его образ, а не один из многочисленных плакатов, на которых он предстает в позе лихого мастера боевых искусств. Он плюхнулся на маленькую, ужасно узкую кровать, а ведь он же спал на ней с разными девицами, ну ладно, с двумя. “Матрица” вышла на экраны за несколько дней до

его восемнадцатилетия и сразу привела его в восторг. Должно быть, те же чувства испытала Сесиль два года спустя, посмотрев первую часть “Властелина колец”. Впоследствии многие склонялись к мысли, что первый фильм трилогии “Матрица” – единственный по-настоящему интересный, благодаря новаторскому визуальному решению, потом это уже превратилось в повторение пройденного. Поль не разделял такую точку зрения, не учитывая, на его взгляд, сценарную конструкцию. В большинстве трилогий, будь то “Матрица” или “Властелин колец”, вторая часть провисает, а вот в третьей возрастает драматический накал и доходит просто до апофеоза в “Возвращении короля”; в “Матрице: Революция” роман Тринити и Нео, поначалу немного неуместный в фильме для *нердов*, в конечном счете начинает волновать по-настоящему, в основном благодаря игре актеров, по крайней мере, так он думал в то время, и так же он думал, проснувшись утром 25 декабря, почти двадцать пять лет спустя. Над покрытыми инеем лугами уже занимался рассвет, он пошел в гостиную сделать себе кофе. Его немного мутило, но голова совсем не болела, даже странно, учитывая, сколько он выпил накануне. Сесиль собиралась заехать к отцу после полудня; других планов на сегодня у нее не было. Сделав первый глоток, он снова вспомнил “Матрицу”, и вдруг у него перехватило дыхание, и он застыл на месте, настолько это показалось ему очевидным: Прюданс невероятно похожа на актрису Керри-Энн Мосс, сыгравшую Тринити. Он бросился об-

ратно в комнату и быстро отыскал альбом, в котором хранил фотографии из фильма: ну конечно, это очевидно, с ума сойти, как же он раньше не догадался? Поль был ошеломлен, вот бы никогда не подумал, он же не такой, напротив, он всегда считал себя человеком довольно холодным, рациональным. В комнате становилось светлее, он мог теперь рассмотреть все детали своего юношеского жилища, начиная с огромного постера “Нирваны”, еще старше “Матрицы”, Поль, наверное, приобрел его совсем еще подростком. “Матрицу” он, кстати, с удовольствием пересмотрел бы; с “Нирваной” – все сложнее, тем более он теперь почти не слушал музыку, разве что григорианское пение, да и то если выдавался тяжелый рабочий день, что-нибудь типа *Christus Factus Est* и *Alma Redemptoris Mater*, ничего общего с Куртом Кобейном, в чем-то человек меняется, а в чем-то – нет, только на такое немудрящее умозаключение его и хватило в то рождественское утро. А вот Керри-Энн Мосс нравилась ему по-прежнему, и даже сильнее, чем когда-либо, и, просматривая сейчас эти фотографии, он испытывал те же, не утратившие остроты, чувства, что и когда-то давно, молодым человеком, но ему никак не удавалось понять, следует ли этому радоваться. Он сделал себе вторую чашку кофе, и тут ему пришла в голову идея откопать тетрадку, о которой говорила вчера Сесиль, ту самую, куда он записывал любимые изречения. После четверти часа бесплодных поисков он вспомнил, что выбросил ее вскоре после того, как решил готовиться к вступитель-

ным экзаменам в ЭНА, наутро после катастрофической ночи, ход которой ему не удавалось восстановить полностью, но у него стоял перед глазами мусорный бак на улице Сен-Гийом, в который он эту тетрадку и швырнул. А жаль, он мог бы узнать побольше о себе, наверняка же были, подумал он, какие-то ранние предзнаменования, упреждающие знаки судьбы, и, как знать, вдруг он сумел бы их расшифровать сейчас в подтексте выбранных им высказываний; правда, те немногие из них, что ему удалось выудить из памяти, не слишком обнадеживали, речь шла все же о несчастном короле, короле, разбитом и униженном англичанами, потерявшем почти все свое королевство. Да и судьбе Нео тоже не особо позавидуешь, не говоря уж о Курте Кобейне.

За окном совсем рассвело, наступал новый прекрасный зимний день, ясный и лучезарный. От потоков прошлого, медленно захлестывавших его по мере того, как он заново открывал для себя окружающие предметы, ему стало дурно, и он вышел на воздух. Дом великолепно смотрелся в утреннем свете, стены из золотистого известняка сверкали на ярком зимнем солнце, но все-таки было очень холодно. Ему не хотелось возвращаться к себе, не так сразу, и он направился в комнату Сесиль, там хоть будет не так тяжело. Он знал, что она не рассердится, ей никогда и скрывать-то было особенно нечего, это вообще ей несвойственно.

У нее вместо “Нирваны” был *Radiohead*; вместо “Матри-

цы” – “Властелин колец”. Она старше его всего на два года, но этим вполне объясняется разница вкусов, тогда все еще менялось достаточно стремительно, не так стремительно, конечно, как в шестидесятые годы или даже в семидесятые, замедление и обездвижение Запада, прелюдия к его уничтожению, развивались постепенно. Он больше не слушал “Нирвану”, но подозревал, что Сесиль все еще, время от времени, слушает старые композиции *Radiohead*, и тут он внезапно вспомнил Эрве в возрасте двадцати лет, в тот момент, когда они с Сесиль познакомились. Он тоже был фанатом “Властелина колец”, даже *упертым фанатом*, и знал некоторые фрагменты фильмов наизусть, в частности тот, где открываются Черные врата, прямо перед финальной битвой. И еще он вспомнил, как Эрве, став перед ними столбом, шпарил наизусть речь Арагорна, сына Араторна. Начал он с того, как Арагорн, подойдя к вратам в сопровождении Гэндальфа, Леголаса и Гимли, своих верных соратников, громким голосом бросает последний, благородный рыцарский вызов:

Пусть силы Черной Страны выходят на бой,
Да свершится над ними справедливый суд¹⁹.

Врата действительно открылись, исторгнув в долину несметные полчища темных сил – они значительно превосходили их по численности, и ужас обуял войска Гондора.

---

¹⁹ Цитируется в переводе П. Санаева

Арагорн и его спутники отступили, а затем он обратился к своим солдатам, и это воззвание Арагорна, безусловно, один из самых прекрасных моментов фильма:

Сыны Гондора, Рохана, мои братья!

Я вижу в ваших глазах тот же страх, который сжимал мое сердце. Возможно, наступит день, когда мужество оставит род людей и мы предадим друзей и разорвем все узы дружбы.

Но только не сегодня!

Эрве повторял последнюю фразу по-английски, иначе никак нельзя передать интонацию Вигго Мортенсена, осознавшего, что битва хоть и обречена, но необходима, его отчаянное упорство, его мужество: BUT IT IS NOT THIS DAY!

Почему Поль так хорошо запомнил эту сцену, притом что к нему лично это не имело никакого отношения? Наверняка потому, что именно в ту минуту он понял, что его младшая сестра на глазах влюбляется в Эрве. Сам он еще никогда не влюблялся, хотя и переспал к тому моменту с полудюжиной девиц, они были ему симпатичны, не более того, но тут он увидел, какая откровенная, мощная сила бьется во взглядах, которые его сестра бросает на Эрве, неведомая ему сила.

Может быть, придет час волков, когда треснут щиты и настанет закат Эпохи Людей. Но только не сегодня!
BUT IT IS NOT THIS DAY!

Сегодня мы сразимся! За все, что вы любите на этой

славной земле.

И снова Эрве продекламировал оригинальную версию, перевод был неплохой, но все-таки в подметки не годился английскому тексту *By all that you hold dear on this good earth*. И наконец, прозвучали последние слова, призыв к оружию:

Зову вас на бой, люди Запада!

Эрве, разумеется, состоял в “Блоке идентичности” в то время и считал, что силы Мордора вполне олицетворяют мусульман, *Реконкиста* в Европе еще не началась, но своим фильмом уже обзавелась, наверняка именно такой и была его картина мира. Интересно, участвовал ли он в откровенно незаконных или насильственных действиях. Поль так не думал, ну, то есть сомневался, Сесиль, вероятно, все знала, но он не стал задавать ей вопросов. В любом случае нотариальные штудии слегка охладили его пыл. Ну, может, не совсем, в Эрве все еще ощущалось какое-то странное бунтарство, что-то не до конца прирученное, трудно поддающееся определению. Отец всегда его любил, *зять его не разочаровал*, и свадьбу отпраздновали пышно, с повозками, катящими по холмам Божоле и прочими подобными затеями, совершенно несоразмерными его жалованью. Отец всегда предпочитал Сесиль, вот в чем дело, Сесиль с детства была его любимицей, и, в сущности, Поль ничего не мог на это возразить: Сесиль и впрямь *достойна предпочтения* просто потому, что

является человеческим существом лучшего качества²⁰.

Теперь ситуация внезапно перевернулась, отец очутился в положении ребенка, а то и младенца, но Сесиль справится с этой ситуацией, она же в самом расцвете сил, и ее с толку не собьешь, Поль был уверен, что отец никогда не окажется в ситуации бедных старушек, которые часами плавают в собственной моче и дерьме, дожидаясь, пока медсестра или санитарка добрее прочих зайдет поменять им подгузник. При мысли о том, какая участь ожидала бы отца, не будь рядом Сесиль и Мадлен, Поль впал в некоторое уныние и решил прогуляться по виноградникам. Виноградники в это время года вообще-то не бог весть что: жалкие, скрученные, почерневшие штуковины, довольно уродливые, пытающиеся пережить зиму, сохранив свое нутро; сейчас ну никак нельзя было вообразить, что из этих мерзких загогулин впоследствии родится вино, все-таки странно устроен мир, думал

---

²⁰ Когда приходит время задуматься над такого рода вопросами (а рано или поздно мы неминуемо задумываемся над такого рода вопросами), необходимо учитывать тот факт, что мы всегда помещаем себя точно в центр морального мира, что мы всегда полагаем самих себя людьми ни хорошими, ни дурными, морально нейтральными (полагаем, конечно, про себя, в самых сокровенных закоулках своего существа, поскольку на людях каждый из нас склонен называть себя “скорее приличным человеком”, хотя в глубине души мы на это не ведемся, в глубине души у нас всегда присутствует тайная шкала, возвращающая нас точно в центр морального мира). Таким образом, в нашем наблюдении возникает определенный методологический сдвиг, и операция перемещения почти всякий раз оказывается неизбежной. (*Прим. автора.*)

Поль, петляя между лозами. Если Сесиль права и Бог действительно есть, то он мог бы поделиться своими планами, Бог – скверный пиарщик, такое дилетантство неприемлемо в профессиональной среде.

На Рождество в больнице было полно народу, что неудивительно, для большинства посетителей это ежегодный праздник человеколюбия, правда, их ненадолго хватит, максимум до завтра, а скорее всего, просто до вечера. Медсестра, та же, что и накануне (может, она дежурит все праздники?), выглядела усталой, но компетентность и доброжелательность ей не изменили. Дверь в палату была закрыта.

– Санитарки его моют, – сказала она, – это займет минут пятнадцать.

Мадлен принесла отцу в подарок коробку сигар “Золотая медаль № 1”. Поль помнил эти длинные, довольно тонкие сигары, *panatelas*, отец всегда с трудом доставал их, они производились на небольшой малоизвестной фабрике “Ла Глория Кубана”, он считал их лучшими сигарами в мире, гораздо лучше, чем “Кохиба” и “Партагас”.

– Я, разумеется, просто ему их покажу и дам понюхать, не оставлять же их в больнице, – сказала Мадлен; очевидно, она не слишком доверяла здешнему персоналу.

В этом удивительном подарке был свой смысл, потому что сенсорные способности отца, включая обоняние, полностью восстановились. По крайней мере, он мог видеть, медсестра авторитетно это заявила, и узнавать то, что видит. Он также понимал обращенные к нему слова, Сесиль, во всяком слу-

чае, ничуть в этом не сомневалась и пустилась в долгое повествование о том, как они провели сочельник, как вся деревня справлялась о его здоровье, она описала рождественское меню и подарок, который они преподнесли Полю; она рассказала и об Эрве, не уточнив, правда, что он сидит без работы. Поль слушал сестру вполуха и внезапно решился.

– Можешь оставить нас? – попросил он. – Можешь оставить нас на минутку?

Она ответила, что да, конечно, и сразу же вышла вместе с Мадлен. Он сделал глубокий вдох, посмотрел отцу прямо в глаза и заговорил. Он ничего специально не планировал, ничего особенного, ему казалось, что он несется вниз по склону, и все так же, не отрываясь, смотрел на отца, глаза в глаза. Прежде всего, он завел речь о Брюно, ему это было важно. Он говорил о нем долго, упомянул предстоящие президентские выборы, а также странные сообщения, заполонившие интернет-сайты по всему миру, полагая, что отец, будучи в прошлом агентом ГУВБ, может этим заинтересоваться. Он говорил о Прюданс, что, как выяснилось, сложнее всего, отец всегда недолюбливал Прюданс, Поль это знал, пусть даже он почти никогда не высказывался по этому поводу. Только однажды, всего один раз, поздно ночью (почему вдруг они оба бодрствовали в три часа ночи? всего не упомнишь), он вдруг выдал: “Я не уверен, что эта женщина тебе подходит. – И тут же прибавил: – Впрочем, я не уверен и в том, что тебе подходит ЭНА. В данный момент я не вполне понимаю, какое на-

правление ты собираешься задать своей жизни. Но это, конечно же, твоя жизнь”.

Ну и под конец Поль сказал, что сожалеет, что у него нет детей, и испытал настоящий шок, услышав эти слова из своих уст, потому что он никогда себе в этом не признавался, более того, это у него вырвалось совершенно случайно, он-то всегда был убежден в обратном. Он никогда не разговаривал с отцом по душам, когда тот был в здравом уме и твердой памяти, и ему этого очень не хватало на разных этапах его жизни. Он пытался, и не раз, но у него ничего не получалось. Сейчас отец сидел с благоговейно застывшим выражением лица, устремив взгляд на неопределенную точку в пространстве, он витал в иных пределах, в нем явно появилось что-то от призрака, да и от оракула тоже.

Он говорил еще долго и вышел из палаты в состоянии крайнего душевного смятения. Сесиль и Мадлен уже не было в коридоре, зато он тут же наткнулся на медсестру. Она озабоченно взглянула на него.

– Вам нехорошо? Вы... – начала она. – Трудно вам пришлось? – Ну разумеется, подумал Поль, она, наверное, привыкла, что у людей крыша едет после посещения родителей, братьев или детей в таком состоянии, для нее все это в порядке вещей. – Может, передохнете в свободной палате?

Он ответил, что нет, что сейчас придет в себя. На самом деле он вовсе не был в этом уверен.

– Знаете, ведь ваш папа недолго пробудет с нами... – ска-

зала она еще любезнее. – У вас же в понедельник назначена встреча с главврачом, да? – Поль кивнул. – Он вышел из комы, но у него есть только элементы сознания; думаю, ему попытаются найти место в отделении ХВС-СМС.

– Что такое ХВС-СМС?

– ХВС – это хроническое вегетативное состояние, в котором сейчас находится ваш папа: никаких реакций, никакого взаимодействия с миром. СМС – состояние минимального сознания, когда пациент начинает немного реагировать и совершать осознанные движения, обычно все начинается с глаз. Я несколько лет проработала в ХВС-СМС; мне там понравилось, как правило, им заведуют хорошие люди, они стараются уделить внимание каждому пациенту. Нам сложнее, у нас тут неотложная помощь, интенсивная терапия, пациенты не задерживаются надолго, мы не успеваем узнать их поближе. Я уверена, что ваш папа очень интересный человек.

Она, надо отметить, не сказала “был”; да и вообще, откуда ей знать?

– У него интересное лицо, на мой взгляд, красивое лицо. Кстати, вы ужасно на него похожи.

Что она имеет в виду? Уж не клеит ли она его? А что, вполне себе красотка, лет двадцати пяти – тридцати, со светло-русыми, слегка выющимися растрепанными волосами, да и фигура у нее что надо, больничный халат выгодно ее подчеркивает, но в остальном она явно не в себе, судя по ее

нервным жестам, ей не терпится закурить, видимо, она чем-то озабочена, курение – верный признак, он сам стал курить гораздо больше после того, как отца разбил инсульт, особенно когда собирался к нему в больницу. Может, у нее с бойфрендом проблемы и она в нем не уверена? И поэтому ищет себе преданного, остепенившегося сорокалетнего мужика, то есть кого-то вроде него? Что за чушь в голову лезет, пора найти Сесиль.

– Ваша сестра, по-моему, спустилась в кафетерий с подружкой вашего папы, – сказала она, словно прочла его мысли.

Он попрощался, подумав при этом, что отец старше Мадлен лет на двадцать – двадцать пять и что он-то на его месте уж точно бы сейчас своего не упустил; по мере того, как он спускался по лестнице в кафетерий, его все сильнее охватывало ощущение, что он полный мудака.

На столике перед Мадлен и Сесиль стояли тарелки с ломтиками яблочного клафути и бутылки с минералкой. К ним присоединился Эрве с хот-догом и пивом. Сесиль, видимо, ждала Поля, и, увидев, как он входит в зал, не спускала с него глаз, пока он шел к ним.

– Тебе явно было что сказать папе... – заметила она, когда он сел.

– В смысле?

– Ты провел с ним больше двух часов... – В ее голосе не прозвучало упрека, она была просто заинтригована. – Ну, я уверена, что ты поступил правильно, я уверена, что тебе это

было необходимо, а уж ему и подавно. Пошли с ним попросимся – и домой. У нас назначена встреча с главврачом на девять утра в понедельник.

В субботу утром погода испортилась, но Поль любил эти пейзажи ничуть не меньше, когда их застилал туман, и долго гулял по холмам и виноградникам. Вернувшись, он позволил Брюно и объяснил ему ситуацию; как он и ожидал, тот вовсе не возражал против его недельного отпуска. Ничего важного прямо сейчас не произойдет, а вот в начале января им будет чем заняться, дольше тянуть нельзя; президент, вероятно, намекнет о преемнике в своем новогоднем обращении, все может быть. Кстати, видео с постановочным обезглавливанием Брюно отовсюду исчезло, его уже нельзя отыскать в сети – Мартен-Рено сдержал свое обещание.

Он звонил ему из зимнего сада, небольшого восьмиугольного помещения со стеклянными стенами, уставленного фикусами, бегониями, гибискусами и другими более или менее тропическими растениями, названия которых он не знал. Тут можно было выпить кофе за маленьким инкрустированным столиком и насладиться великолепным видом на окрестный пейзаж. Брюно “ничего особенного на Рождество не делал”. Значит, он ошибся: Брюно не увиделся с детьми, не попытался наладить отношения с женой. И надо полагать, уже не попытается, никогда впредь не заговорит об этом, вообще люди редко объявляют о предстоящем разводе. А ему хорошо бы развестись побыстрее, до того, как избиратель-

ная кампания запустится по-настоящему, но уже, вероятно, слишком поздно; Поль не стал затрагивать эту тему. Разъединившись, он вдруг почувствовал себя ужасно одиноко. И даже подумал, не позвонить ли Прюданс, она уже наверняка вернулась со своего саббатического уикенда, так, что ли, это называется? Но почему-то удержался в последний момент.

Мадлен и Сесиль приехали к полудню. После обеда показалось солнце, постепенно рассеивая туман. Мадлен объявила, что собирается покататься на велосипеде, она любила кататься на велосипеде летом и зимой, в окрестностях было несколько невысоких перевалов, не то чтобы очень сложных перевалов, но все же. “Ваш отец часто меня сопровождал, – сказала она Полю, – он хорошо вкручивал для человека его возраста”. Он непонимающе посмотрел на нее, но тут же вспомнил, что велосипедисты-любители говорят “вкручивать” вместо “кататься”; это тесное братство, объединенное общими ценностями и устоявшимися ритуалами. Он и не подозревал, что отец проводил свой досуг таким образом, и почувствовал, как в нем растет восхищение подобной включенностью в социальную жизнь. Видимо, иногда конец жизни бывает не совсем уж несчастливym, подумал он, удивительное дело. Мадлен понемногу начала с ним разговаривать и уже не так робела в его присутствии. Увидев, как она возвращается в велосипедной майке и шортах, плотно облегающих ее формы, Поль внезапно поверил, что у них с отцом все еще была сексуальная жизнь, по крайней мере до его

инсульта.

Почему он сам за десять лет не переспал ни с одной женщиной после разлада с Прюданс? Потому что профессиональная жизнь не располагает к такого рода занятиям, ответил он сам себе поначалу. Но через несколько секунд осознал, что это всего лишь отговорка, некоторые его коллеги – очень немногие, конечно, но все же – по-прежнему вели активную половую жизнь. Воспоминания о самом процессе у него еще сохранились, такое не забывается, совсем как езда на велосипеде, подумал он немного невпопад, когда Мадлен вышла из комнаты, а вот необходимые прелюдии, к нему ведущие, показались ему чрезвычайно далекими и фантасмагорическими, скорее из области преданий либо из прошлой жизни.

В конце дня он столкнулся с Эрве, и тот предложил выпить перед ужином. Он сразу согласился, он всегда рад был выпить, даже слишком рад, и это принимало угрожающие масштабы, никотин и алкоголь, возможно, быстро его прикончат, так что проблема конца жизни отпадет сама собой. Эрве тоже гулял все утро и кое с кем пообщался, его еще тут узнавали, короче, ему очень нравились эти места, он уже прикидывал, не перебраться ли сюда им с Сесиль. Он родился в Денене, его родители родились в Денене, он никогда не покидал Нор-Па-де-Кале, но пора признать очевидное: Нор-Па-де-Кале – это отстой, у него нет шансов найти работу в Нор-Па-де-Кале, а вот здесь, кто знает, вдруг что-то

и подвернется. И потом, дочери выросли, у них теперь своя жизнь, сказал он с ноткой печали в голосе. Любопытно, подумал Поль, что поделывают его племянницы, он не видел их уже лет шесть-семь, есть ли у них “молодой человек”, если так еще говорят, впрочем, их отец, надо думать, ничего о них не знает. Во всяком случае, Сесиль вроде бы почти нашла работу, продолжал Эрве, работу кухарки на дому, она посмотрела в интернете – в Лионе довольно много предложений, и ее точно возьмут, она всегда хорошо готовила, можно не волноваться. Поль понятия не имел, что существует такая работа; Эрве тоже узнал о ней только сейчас. Буржуа, ну, в общем, состоятельные люди, хотят, допустим, пригласить друзей к себе на ужин, а готовить не умеют, тогда они нанимают повара. А состоятельных людей в Лионе хватает, не то что в Валансьене или Денене.

От всего этого Поль впал в тоску и пошел спать сразу после ужина. Он очутился на первом этаже огромного обветшавшего здания в компании женщины из народа, средних лет, с круглым лицом и крепкими руками и ногами. Надо сказать, что во сне он тоже был выходцем из самого что ни на есть обнищавшего пролетариата и разговаривал с женщиной о том, что на верхние этажи, предоставленные высшим слоям общества, им путь заказан. Затем появился молодой отважный парень с иссиня-черными волосами, возможно, корсар или бывший корсар. Верхние этажи на самом деле охраняются кое-как, сообщил он, да и встреча с охранни-

ками реальной опасности не представляет. Он говорил уверенно, словно мотался туда-сюда каждый божий день. Тогда они пошли наверх, но на каждой лестничной площадке им приходилось перепрыгивать через груды беспорядочно сваленных чемоданов, между которыми зияли дыры, что было как раз опасно, а молодой человек куда-то испарился, и Поль вынужден был взять на себя роль проводника.

В итоге они добрались до последнего, самого опасного этажа, на этот раз им предстояло пересечь большое пустое пространство. Поль успешно его перепрыгнул и тут же обернулся, чтобы помочь своей спутнице, но бабу из народа сменила молодая, динамичная и современная особа с ухоженной кожей из дирекции по маркетингу. С ней было двое маленьких детей. Не заботясь о собственной безопасности, Поль протянул ей руку через провал, но его все-таки сбила с толку эта подмена. Когда она успешно выполнила прыжок, настала очередь старшего ребенка, но тут пустое пространство сократилось, и, соответственно, снизилась и опасность прыжка. Наконец настал черед младшего, и тут Поль с отвращением обнаружил, что пустое пространство куда-то делось, уступив место слегка покатоному паркету, по которому ребенок мог легко проползти на четвереньках. Однако по настоянию матери он скрепя сердце похвалил младенца, который в это мгновение обернулся собакой, хорошенькой собачонкой, беленькой и чистенькой.

Последний лестничный пролет вел, как оказалось, в ку-

портную зону, на огромный бескрайний пляж, запруженный, к сожалению, толпой любителей спортивного отдыха, шумных и вульгарных. Они, судя по всему, прекрасно проводили время, то и дело испускали какие-то животные крики, притом что небо затянули большие темные тучи, на море поднялись волны да и заметно похолодало. Ему пришлось пройти не один километр, чтобы наконец вырваться из толпы отдыхающих, внизу перед ним простиралась долина, по ней тек почти пересохший ручей и впадал в океан. Долину окружали довольно крутые стены из больших шершавых бетонных блоков. Он бросился в пустоту и замер в нескольких сантиметрах от земли, потом стал вращаться против часовой стрелки, по-прежнему держась чуть выше стены; этот полет принес ему невероятное облегчение. На мостике, перекинутом через высохший ручей, стоял молодой человек с напряженным лицом, явно ожидая разгадки, и наблюдал за ним с выражением почтительного восхищения. Тогда Поль выпрямился в воздухе и объяснил ему, как мог, механизм вращения в состоянии невесомости, но вскоре вынужден был с ним распрощаться и направился в стеклянный дом, средоточие курортной суеы. Этот особняк стоял посреди ухоженного французского парка, отличавшегося одним любопытным свойством: внутри толклись исключительно любители спортивного отдыха, шумные и вульгарные, но стоило им выйти наружу, как они превращались в веселых белых собачек. В тот момент, когда Поль осознал идентичность этих двух

превращений, он понял, что стеклянный особняк всего лишь иная ипостась огромного обветшавшего здания, откуда он недавно вырвался. Он снова почувствовал сильнейшее отвращение и тут вдруг перенесся в просторное горное шале, оказавшись на этот раз в компании австрийской школьной учительницы, которая, он точно это знал, через несколько часов станет его любовницей, еще до наступления ночи. Они проникли в шале тайком и сели поесть, чтобы набраться сил. Погода не изменилась, небо затянули тучи, чувствовалось, что оно сейчас совсем почернеет, воздух отяжелел от снега; они огорчились, по идее, они ехали сюда за солнцем. С ними был отец Поля, но они догадывались, что в отличие от них он тут живет постоянно и уже с этим смирился, ему даже нравится. Огромный дом, мебель из темного дерева, печальная гора, короткие морозные дни: можно не сомневаться, он проведет тут всю оставшуюся жизнь, ему и в голову не придет жить где-то еще. Незаконность их пребывания в шале оказалась несущественной деталью, поскольку хозяева уехали в путешествие и больше сюда не вернутся. Австрийская школьная учительница куда-то делась, Поль понимал, что она уже никогда не станет его любовницей, что он тоже застрянет в этом доме вместе с отцом до конца своих дней.

В утренние часы окрестный сельский пейзаж утопал в густом тумане. Когда он зашел на кухню, где был накрыт завтрак, Сесиль спросила, не хочет ли он пойти с ними к мес-

се. Нет, вряд ли, две мессы в неделю – пожалуй, перебор для неверующего, ну, агностика, отговорился Поль. Он добавил, правда, что рождественская служба ему “очень понравилась”, понимая, что смысла в его словах немного. Вместо мессы он пошел прогуляться. Выйдя за порог, он двинулся сквозь осязаемую молочно-белую массу, в нескольких метрах перед ним – уже в двух-трех метрах, если точнее, – ничего не было видно, нереальное ощущение, но, пожалуй, приятное, он шагал так еще четверть часа, пока наконец не испугался, что еще немного, и он точно заблудится. Тогда он повернул обратно к дому и наткнулся на него чисто случайно, как ему показалось. Он снял с крючка ключ и направился в кабинет отца, он не заглядывал туда уже лет двадцать, а то и больше, вообще-то Поль всего раз в жизни заходил внутрь, в тот знаменательный день, когда отец решил что-то объяснить ему про свою работу. Это произошло ровно тридцать лет назад, почти день в день – для такого разговора отец выбрал первое января. При этом он все прекрасно помнил и сейчас понял, что обстановка тут почти не изменилась – добавились разве что компьютер и принтер, и все. На книжных полках стояло несколько справочных изданий – профессиональные адресные книги и тематические атласы минеральных и гидрографических ресурсов планеты. Отдельно на верхней полке виднелись папки – вероятно, те самые, о которых ему говорил Мартен-Рено. Пять картонных папок, ничего особенного на первый взгляд. Вот, значит, где

хранятся загадочные данные, над которыми размышлял отец до самых последних дней. Ему не хотелось их открывать – все равно он ничего не поймет. Он тщательно запер за собой дверь, вернулся в главный дом, повесил ключ обратно на стойку и взял другой.

Бывший амбар, служивший его матери мастерской, – совсем другое дело, он заходил туда время от времени, без особого удовольствия, когда надо было позвать ее к столу, под конец она совершенно забросила хозяйство, и все заботы по дому взяла на себя Сесиль. Проведя большую часть своей профессиональной жизни за реставрацией гаргулий и химер в многочисленных церквях, аббатствах, базиликах и соборах Франции, она чуть ли не в сорок пять лет решила посвятить себя художественному творчеству и утратила всякий интерес к домашнему очагу. Стену слева от входа оформила другая художница, знакомая матери, Поль помнил ее, она у них останавливалась, та еще уродина, высокая и худая, она почти не открывала рта, зато воспылала страстью к местным камням, золотистому известняку, столь характерному для Божоле. Она работала с тяжелыми крупными камнями, из которых сложены стены амбара, сантиметров двадцать высотой. На каждом из них она вырезала человеческие лица, выражавшие то испуг, то ненависть, иногда на грани агонии, гораздо реже усмехающиеся или язвительные. Получилось впечатляющее, весьма выразительное произведение, и от страданий, исходивших от этой стены, перехва-

тивало дыхание. А вот скульптуры матери – многие из них так и лежали в амбаре – Поль не любил, никогда не любил. Готические фигуры, на реставрацию которых она потратила большую часть жизни, несомненно, оказали на нее влияние, в основном она создавала фантастических существ, чудовищных полуживотных-полулюдей, довольно-таки непристойных, с несоразмерными вульвами и пенисами, как у некоторых гаргулий, но в ее манере чувствовалась какая-то искусственность, надуманность, ее творения напоминали не столько средневековые изваяния, сколько мангу, впрочем, не исключено, что это он ничего не смыслит в искусстве, он никогда не интересовался японскими комиксами, которые, между прочим, многие ценят очень высоко; работы его матери имели, конечно, определенный успех, но особо не котиrowались, некоторые из них все же покупали ФРАКи²¹ и региональные советы, иногда для оформления кольцевых развязок, в специализированных журналах появилось несколько статей о ней, и благодаря одной такой статье – на самом деле это самый страшный упрек, который можно было бы адресовать матери и ее работам, – его брат Орельен познакомился со своей будущей женой. Инди, в то время сравнительно молодая журналистка – если вообще журналистка бывает молодой, – написала весьма хвалебную, даже восторженную статью, творчество его матери было представлено в ней самым ярким примером новой феминистской скульптуры – но

---

²¹ ФРАК (FRAC) – Региональный фонд современного искусства.

в данном случае мы имели дело с дифференциальным феминизмом, диким и сексуальным, сродни движению *ведьм*. Такого направления в искусстве не существовало, она придумала его специально для статьи, которая, впрочем, читалась не без удовольствия, эта сучка владела пером, как говорится, и вскоре, кстати, ушла из этого второсортного художественного журнала в раздел “Общество” крупного левоцентристского *news magazine*. Надо сказать, она искренне восхищалась его матерью, и это было, пожалуй, единственным искренним чувством в ее поступках, Поль никогда не верил в любовь этой женщины к Орельену, ни секунды не верил, такая женщина уж точно не могла полюбить Орельена, эта женщина ненавидела слабаков, а Орельен – слабак, всю жизнь был слабаком, он благоговел перед матерью, сам будучи не в состоянии каким-либо образом утвердиться в жизни или вообще просто жить, Инди, само собой, ничего не стоило превратить его в подкаблучника, но все же это недостаточно веская причина, чтобы выйти замуж, и тут возникали вопросы. Возможно, она надеялась, что цены на произведения их матери взлетят до заоблачных высот и в будущем ей перепадет что-нибудь от доставшегося Орельену вполне приличного наследства, да, наверняка так оно и есть, на это она и рассчитывала, с такой дуры станется. Расчеты не оправдались, цены на скульптуры матери оставались на достаточно разумном, респектабельном уровне, но поводов прыгать до потолка от радости не наблюдалось. Поэтому Инди начала

проявлять некоторые признаки разочарования, что выражалось во все более пренебрежительном отношении к мужу.

Поль никогда не любил Орельена по-настоящему, впрочем, и ненавидеть его было не за что, в сущности, он плохо его знал и никогда не питал к нему никаких чувств, кроме, пожалуй, туманного презрения. Орельен родился гораздо позже его и Сесиль и вырос в интернете и соцсетях, он принадлежал к абсолютно другому поколению. Когда, кстати, он родился? Поль понял, что забыл дату рождения брата, и смутился; короче, у них большая разница в возрасте. Сесиль иногда пыталась преодолеть этот разрыв, в отличие от него. Орельен был еще совсем ребенком, когда Поль уехал из родительского дома, и он с трудом отличал это существо от домашнего животного; он, собственно, никогда не отдавал себе отчета в том, что у него есть брат.

Значит, они появятся во второй половине дня тридцать первого со своим говнюком сыночком, это надо просто перетерпеть, правда, терпеть придется довольно долго, ведь тридцать первого числа немислимо лечь спать до полуночи, ну ничего, как-нибудь он справится, можно, например, нажраться к середине дня, благодаря выпивке удастся выдержать практически что угодно, в том-то и заключается одна из главных проблем с выпивкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.